

Вестник

***Московского государственного
областного университета***

**СЕРИЯ
«ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»**

№ 2

**Москва
Издательство МГОУ
2010**

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. – председатель, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. – зам. председателя, доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. – доктор химических наук, профессор
Лекант П.А. – доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. – доктор философских наук, профессор
Пусько В.С. – доктор философских наук, профессор
Трайтак С.Д. – кандидат физико-математических наук, доцент

Редакционная коллегия серии «Юриспруденция»:

Голышев В.Г. – кандидат юридических наук, доцент, ответственный редактор
Байер Б. – почетный профессор МГОУ (Германия, г. Санкт-Аугустин)
Клычников В.М. – кандидат юридических наук, доцент, зам. отв. редактора
Марченко М.Н. – доктор юридических наук, профессор
Гриненко А.В. – доктор юридических наук, профессор
Подшибякин А.С. – доктор юридических наук, профессор
Никитин А.Н. – доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор

Вестник МГОУ. Серия «Юриспруденция». – № 2. 2010. – М.: Изд-во МГОУ.
– 94 с.

“Вестник МГОУ” (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей профессорско-преподавательского состава, а также докторантов, аспирантов и соискателей (См.: Список журналов на сайте ВАК, 2010 г.). На сайте МГОУ информация о статусе всех серий «Вестника МГОУ» и требованиях к публикациям для авторов статей находится постоянно, обновляясь с внесением необходимых изменений.

© МГОУ, 2010
© Издательство МГОУ, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

БЕСПАЛОВ Д.Н. Формирование парламента в контексте теории разделения властей	5
МИФТАХОВА С.А. Разделит ли Судан судьбу Ирака?	10
ЩЕРБАКОВ С.В. Последствия городской реформы 1892 года для местного самоуправления	17

ЧАСТНОЕ ПРАВО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

БОУШ К.С., НАТАРОВА О.А. Понятие юридической ответственности в сфере оказания платных образовательных услуг	20
ГУМОВСКИЙ А.В. Исключительное право соавторов на произведение	24
КЛЕЦКАЯ М.О. Государственный антимонопольный контроль в сфере рекламной деятельности: пути преодоления правового нигилизма	33

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ, БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

КУЗЬМИН С.И., ЯКУШИНА Е.С. Уголовная и исправительно-трудовая политика в отношении несовершеннолетних правонарушителей в годы Великой Отечественной войны	39
ПОДШИБЯКИН А.Н. Инновационные технологии в преподавании криминалистических дисциплин	50
ТРИШЕВА А.А. Механизм устранения процессуальных нарушений, препятствующих рассмотрению уголовного дела судом	53

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

КИРИЧЕНКО Д.В. Проблема осуществления оценки государственного недвижимого имущества, расположенного за рубежом	59
---	----

Трибуна молодого ученого

ГАДЖИЕВ Т.Б. Условия освобождения от ответственности при похищении человека (сравнительно-правовое исследование по уголовному законодательству Азербайджанской Республики и Российской Федерации)	63
ГАПЕЕНОК Д.Е. К вопросу об обоснованности внесения изменений в статью 210 Уголовного Кодекса Российской Федерации	67
МАРОВ И.В. Правовое государство и конституционная ответственность государства перед личностью	71
НЕФЕДОВ А.А. Конституционно-правовое регулирование, актуальные проблемы в сфере жилищно-коммунального хозяйства	77
СКРИПИН Р.Е. Правовое положение подозреваемого в уголовном процессе России XX – начала XXI века	81
ЮДИН В.А. Профилактический аспект преступности и преступлений, совершаемых беспризорными безнадзорными несовершеннолетними	86
НАШИ АВТОРЫ	91

CONTENTS

D. BESPALOV. Parliament's formation within the context of the separation of powers theory	9
S. MIFTAKHOVA. Will Sudan suffer the same fate with Iraq?	16
S. SHCHERBAKOV. Consequences the policeman of reform of 1892 for local government	19
K. BOUSH, O. NATAROVA. Concept of legal responsibility in the sphere of rendering of paid educational services	23
A. GUMOVSKIY. Exclusive right of co-authors to their joint work	32
M. KLETCKAYA. State antimonopoly control in advertising: ways of overcoming the legal nihilism	38
S. KUZMIN, E. JAKUSHINA. The criminal and corrective-labour policy concerning minor offenders in days of the Great Patriotic War	49
A. PODSCHIBJAKIN. Innovative technology in the teaching of forensic disciplines	52
A. TRISHEVA. The mechanism of elimination of the remedial infringements interfering consideration of criminal case	58
D. KIRICHENKO. Problem of estimation of the state real estate located abroad	62
T. GADJIEV. Conditions of condonation at abduction of the person (сравнительно-правовое rather-legal research under the criminal legislation the Azerbaijan republic and the Russian Federation)	66
D. GAPEENOK. To a question on validity of modification of article 210 of the criminal code of the Russian Federation	70
I. MAROV. The rule of law and constitutional responsibility of the state to the individual	76
A. NEFEDOV. Constitutional and legal regulation, current problems in housing and communal services	80
R. SKRIPIN. The legal status of the suspect in russian criminal procedure in the XX-XXI centuries	85
V. YUDIN. reventive aspect of criminality and the crimes made by homeless and neglected minors	90

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА.

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 321.72 (470)

Беспалов Д.Н.

ФОРМИРОВАНИЕ ПАРЛАМЕНТА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ*

Аннотация. В статье исследуется принцип разделения властей, появление в системе государственного управления парламента. Единство органов государственной власти при разграничении ее ветвей создает переплетение некоторых элементов, их взаимодействие, а также взаимозависимость.

Ключевые слова: политическая наука, теория разделения властей, парламентаризм, парламент.

Теория разделения властей – это важнейший элемент существования демократического государства, исключающий возможность объединения законодательной, исполнительной и судебной власти [10, 129].

Теория разделения властей, именуемая принципом разделения властей, в том виде, как она воспринимается в настоящее время применительно к государственному сектору, появилась более двухсот лет назад. Ее основателями признаются английский философ-материалист, разработчик идейно-политической доктрины материализма Джон Локк и французский философ Шарль Луи Монтескье.

Мысли Шарля Монтескье о разделении властей и другие его общественно-политические видения были определены в произведении «Персидские письма», а также в книге «Размышления о причинах величия и падения римлян», а идеи Джона Локка о важности и целесообразности разделения властей – в его главной работе «Два трактата о государственном правлении».

Аналогично иным научным концепциям, теория разделения властей образовалась не просто так. Она была сформирована ранее имеющимся социально-политическим развитием и накоплением исторического опыта в организации государственно-правовой жизни и поддержания равновесия в обществе и государстве [6, 35].

Как отмечал Шарль Монтескье в своем произведении «О духе законов», есть три рода власти: власть законодательная, власть исполнительная, определяющая вопросы международного права, и власть исполнительная, определяющая вопросы гражданского права [7, 52].

«Основатели» принципа разделения властей (Александр Гамильтон, Джеймс Мэдисон, Джон Джей) разработали классическую модель. Они добавили в неё модель «вертикального» разделения властей, то есть способы рас-

* © Беспалов Д.Н.

пределения полномочий между федеральной властью и властью штатов. Кроме того, в содержание классической модели была введена знаменитая система «сдержек и противовесов».

Последующее развитие принципа разделения властей связано с попытками расширить список ветвей власти, определив современные тенденции. Так, наряду с законодательной властью выделяется учредительная власть. Нередко самостоятельный статус придается контрольной и избирательной власти [2, 9].

Помимо этого, известный китайский политический деятель Сунь Ятсен предлагал следующий вариант деления ветвей власти, а именно: законодательная, исполнительная, судебная, контрольная и экзаменационная власть [13, 435]. Выделение такой ветви власти, как экзаменационная, в его концепции отражает специфику теории и практики формирования государственного аппарата, лидирующих в Китае на протяжении более чем несколько веков. Ведь назначения на различные должности в государственной службе производились в Китае по итогам периодически проводимых специальными государственными комиссиями экзаменов. Наличие экзаменационной ветви власти представляет особый интерес, так как система органов в рамках данной ветви государственной власти, согласно видению Сунь Ятсена, необходима исключительно для формирования иных органов государства. Определенно, экзаменационная власть не напоминает избирательную власть, но надо не забывать, что сама по себе система экзаменов в Китае использовалась при назначении государственных служащих на различные должности в рамках государственного аппарата. Необходимо обозначить, что отдельные ученые предлагают выделить в отдельную ветвь власти государственные органы, выполняющие основным образом функцию формирования иных государственных органов.

И все же теория разделения властей, как одну из самых необходимых, выделила роль представительных органов в политической системе государства. Однако и судебная и исполнительная ветви власти также имеют необходимую сферу деятельности и действуют от имени и во исполнение закона [7, 64].

Определение ветви власти, в том числе и представительной, в современной науке, несмотря на множество различных исследований органов представительной власти и принципа разделения властей, так и не было дано. Вместе с тем представительная власть является в основе своей государственным представительным органом, а в субъектах федерации – местными законодательными органами. Государственный представительный орган может иметь различные названия (народное или национальное собрание и т. д.), но за ним закрепилось название «парламент».

Некоторые современные исследователи пытаются отыскать корни парламентаризма в многовековой истории развития государств и обосновать возможность использования этих традиций на современном этапе. Этот аспект проблемы рассматривается в работах В.В. Лузина, М. Макфола, А.Н. Медушевского, А.И. Ковлера и др.

Парламентаризм ими определяется как система организации и функционирования государственной власти, основанная на принципе разделения властей и верховенстве закона, при формальном привилегированном положении парламента [3, 116].

Осмысливая феномен парламентаризма, необходимо отметить проведенный анализ, отраженный в фундаментальном труде авторского коллектива

«Парламенты мира», где при изучении развития парламентаризма выделяется четыре этапа. Это периоды «протопарламентаризма», «сословно-представительного» парламентаризма, буржуазного парламентаризма и современного парламентаризма [8, 41].

Критериями для такой периодизации служат степень реализации принципа разделения властей, статус и роль законов в жизни общества, наличие в политической системе представительного (законодательного) органа и системы политических партий. Предлагаемая периодизация, осуществляемая на основе выделения вышеуказанных критериев, позволит более обстоятельно проследить эволюцию парламентаризма.

В политических системах современных государств выделяются такие разновидности парламентаризма, как:

- 1) парламентаризм развитый, ограниченный, «имитационный» (в зависимости от действующих элементов парламентаризма);
- 2) парламентаризм «рационализированный», «министерский», «разделенный» (в зависимости от взаимоотношений между органами государственной власти и парламентом).

В разновидностях парламентаризма первого ряда отражены особенности политического режима (тоталитарного, авторитарного, демократического), в разновидностях второго ряда – особенности формы правления (республика, монархия) и государственного устройства (унитарное, федеративное, конфедеративное).

Парламентаризм характеризует и организацию общественной жизни, степень демократизации общества [4, 71].

Для выяснения сущности понятия «парламентаризм» необходимо определиться в последовательности «парламентаризм-парламент». В основном под парламентаризмом понимают теорию и практику функционирования парламента. Однако имеется и расширенное толкование парламента, его ассоциация с представительной демократией в целом, его обозначение как представительного органа государственной власти. Можно рассуждать о том или ином понятии, между тем бесспорно одно: не существует демократии без парламентаризма, а парламентаризма не существует без парламента.

Парламент можно рассматривать как определенную динамично развивающуюся форму перехода от частной жизни к политической, как некий процесс перевоплощения человека как подданного и незащищенного в гражданина, за которым закреплены необходимые политические права, а именно право выбора власти в обществе.

Рассматривая принцип двухпалатности парламентской системы, необходимо определить, что он имеет общее происхождение с принципом разделения властей как подсистема горизонтального разделения властей, где основное внимание определено балансу и контролю между палатами парламента [1].

Некоторые ученые ассоциируют возникновение современного парламента с результатом трех последовательных открытий, сделанных известными или безымянными авторами с разрывом в несколько веков [11, 323-324].

Первое открытие, имеющее непосредственное отношение к парламенту, – это, собственно, само возникновение парламента, т.е. соединение идей представительства и законодательства в одном постоянно действующем институте.

Второе открытие общепризнанно. Ведь именно «открытием» назвал Александр Гамильтон идею разделения властей в представлении Шарля Монтескье.

«Политическая наука, как и большинство других наук, очень продвинулась вперед. На сегодняшний день хорошо понимают эффективность различных принципов, которые были или вовсе неизвестны древним, или недостаточно ими создавались. Упорядоченное распределение власти по определенным отделам, введение различных противовесов и сдержек при законотворчестве, учреждение судов, в которых судьи исполняют обязанности, пока их поведение безупречно, представительство народа в законодательном органе через избранных депутатов – все это или целиком новые открытия, или же основное для их совершенства было сделано в наше время» [12, 73].

И наконец, третье открытие, где рассматривается переход парламента из проективного в реактивный режим повседневной деятельности. Рассмотрим проективный режим, когда навязывается своя идеология и своя воля обществу, как, например, действовали английский парламент времен Кромвеля, американский Континентальный Конгресс, ну и безусловно, французский Конвент.

Конечно, большинство нынешних парламентаов действует реактивно, а именно с большим или меньшим энтузиазмом обращая внимание на текущие потребности общества (чьим представителем в делах все чаще выступает правительство) в законотворчестве, с удовольствием контролируя исполнительную власть, а также выступая в роли ведущего общенационального политического клуба.

Между тем, возвращаясь к обозначению представительной ветви власти, напомним, что она характеризуется определенной совокупностью черт [9, 91].

Основой является именно системность представительной ветви власти: представительная ветвь власти представляет собой систему представительных органов. Система представительной ветви власти отличается слабыми по сравнению с системой исполнительной ветви власти внутрисистемными связями. В эту пользу системности представительной ветви власти необходимо назвать единый источник власти (народ), общие принципы устройства и деятельности, единую компетенцию с разделением места воздействия.

Необходимо отметить, что представительство интересов, определенность – это необходимые характерные черты рассматриваемой ветви власти. Например, выборность как одна из основных черт системы представительной власти и ее составной части – парламента, должна осуществляться на основании смешанной избирательной системы как наиболее демократичной [5, 163].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Schwarz-Liebermann V. Wahlendorf und function der sogenannten zweiten Kammer. Tubinger, 1958.
2. Альфер С.А. Избирательные комиссии: система, правовой статус, порядок формирования. – Минск, 2001.
3. Баранова Н.П., Романов Р.М. Парламентаризм в России: история и современность. - М.: Современная экономика и право, 2009.
4. Воробьев В.П. Израильский парламентаризм: конституционно-правовой анализ. – М.: МГИМО, 2006.
5. Государственный совет Российской империи, Совет федерации Федерального собрания Российской Федерации. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.
6. Могунова М.А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика. – М.: РГГУ, 2001.
7. Монтескье Ш. О духе законов //Избранные произведения. – М., 2007.
8. Пастухова Л.С. Вопросы закрепления молодежного парламентаризма в нормативных правовых актах на международном, федеральном и региональном уровнях //Юридический мир. – 2007. № 6.
9. Романов Р.М. Парламентаризм: теория, история и современность. – М., 2002.
10. Кодзима С. Восприятие работ М. Вебера в России начала XX в. и «веберовский ренессанс» конца XX в. //Социологические исследования. – 2009. № 6. – С. 121-131.

11. Салмин А.М. Современная демократия: очерки становления. – М., 1997.
12. Федералист. Политическое эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. – М., 2000.
13. Ятсен Сунь. Программа строительства страны //Избранные произведения. – М., 1964.

D. Bepalov

PARLIAMENT'S FORMATION WITHIN THE CONTEXT OF THE SEPARATION OF POWERS THEORY

Abstract. The article is devoted to research of the separation of powers principle and of the appearance of the parliament in the system of public administration. Unity of public administration within the separation of its branches generates interweaving of certain elements, their interaction and interdependence.

Key words: political science, principle of separation of powers, parliamentarism, parliament.

РАЗДЕЛИТ ЛИ СУДАН СУДЬБУ ИРАКА?*

Аннотация. Оглашение обвинения вызвало шум в суданских и арабских средствах массовой информации. Первые лица суданского правительства решительно осудили МУС и его прокурора, считая, что эти обвинения ухудшат ситуацию в Дарфуре. Подобную позицию заняли также лидеры суданской оппозиции и общественные организации. В данной статье отражена реакция Лиги арабских государств, Африканского союза, европейских стран и России на сложившуюся ситуацию.

Ключевые слова: Омар аль-Башир, Судан, МУС, Дарфур, Африканский союз.

4 марта 2009 г. Международный уголовный суд впервые за всю свою историю выдал ордер на арест действующего главы государства – президента Судана Омара аль-Башира. МУС обвинил главу Судана в военных преступлениях и преступлениях против человечности. А ранее выдвигавшееся против аль-Башира обвинение в геноциде Гаагский трибунал не подтвердил. Правительство Судана, которое не подписывало Римский Статут МУС, но имеющее обязательство сотрудничать с ним по резолюции Совета безопасности ООН, отказалось выдавать своего президента.

Пришедший к власти в результате военного переворота в 1989 г., Омар аль-Башир является единоличным правителем Судана, совмещая с 1993 г. пост президента и премьер-министра страны. Будучи выходцем из крестьянской семьи, аль-Башир сделал карьеру летчика, сумев пробиться в элиту суданских вооруженных сил. Омар аль-Башир, обладающий честолюбием, самодисциплиной и железной волей, окончил Суданскую военную академию в Хартуме, получил степень магистра военных наук в Малазийской военной академии. С 1975 - 1979 гг. аль-Башир был назначен военным атташе Судана в ОАЭ. С 1985 - 1989 гг. входил в состав военного крыла Национального Исламского фронта (НИФ) [Profile: Sudan's President Bashir. —BBC News].

Нынешний президент Судана Омар аль-Башир внес серьезный вклад в развитие суданской экономики. Режим аль-Башира, проводя правильную экономическую политику, сделал страну более привлекательной для иностранных инвестиций и доноров [<http://exinfo.gov.sd>].

При нем закончилась 21-летняя гражданская война в Южном Судане (1983 – 2004 гг.). Однако в 2003 г. начался новый кровопролитный конфликт на западе страны, в Дарфуре.

История и причины конфликта в Дарфуре

Одной из главных причин дарфурского конфликта называют изменение климата, приведшее к опустыниванию земель и голоду. Этническая история племен Дарфура достаточно проблемна. Несмотря на то, что все население является мусульманами, 80% принадлежат к неарабским африканским племенам,

* © Мифтахова С.А.

большинство из которых являются земледельцами. Остальные же, переселенные в 19 веке арабские племена, большинство из которых являются скотоводами. Обе группы исповедуют ислам, при этом имеют разное происхождение и этническую принадлежность [Daly M.W. 2007, 94].

Большую часть истории регион был независимым от Судана. Последним султаном был аль-Варих Али Бен Динар, который управлял с 1898 по 1917 годы. Во время Первой мировой войны этот мусульманский султанат поддерживал Османский халифат, что послужило в то время причиной оккупации Судана со стороны английских властей. Вследствие этого англичане присоединили Дарфур к Судану в 1917 году.

Наибольший интерес к Дарфуру проявляет Франция. Более того, Франция взаимодействует с влиятельным лицом племени Фур, одного из крупнейших племен в Дарфуре. Это Абдул Вахид Мохаммед Нур, основавший самое крупное в Дарфуре Суданское освободительное движение. Это движение отличается от Суданской народно-освободительной Армии, основанной в Южном Судане, хотя их идеология очень похожа и сотрудничают они друг с другом [Samuel Totten, Eric Markusen 2006, 183].

Англичане также вмешиваются в этот регион через Халилию Ибрагима, который основал повстанческое движение, принадлежащее другому африканскому племени Загава. При поддержке англичан он основал Движение Справедливости и Равенства (ДСР), которое также является светским (не религиозным) движением, призывающим к отделению Дарфура от Судана.

Во второй половине 1980-х гг. элиты многих африканских племен Дарфура симпатизировали правительству Садыка аль-Махди, пока официальный Хартум не сделал ставку на арабов. А с приходом режима Омара аль-Башира в 1989 г. радикальные исламисты, руководимые Хассаном ат-Тураби, привлекали на свою сторону образованных жителей Дарфура [John Hagan, Wenona Rumond-Richmond 2008, 146].

Когда вспыхнула гражданская война на юге Судана, национальная армия под флагом «Ислам и Арабизация» принимала в свои ряды выходцев из Дарфура. Таким образом, более 40 процентов национальной армии Судана составляли дарфурцы [Amir H. Idris 2005, 84].

Новая власть воспользовалась возможностью изменить границы в ущерб южным провинциям. Таким образом, нефтедобывающий регион Бенту стал частью Кордофана, медные рудники западного Бахр аль-Газаля оказались на территории Дарфура. В 1994 г. за этим последовало разделение каждой провинции на три отдельных штата, так возникли Северный, Западный и Южный Дарфур, в которых все высшие чиновники назначались центральным правительством. Подобное разделение оттолкнуло лидеров дарфурских племен от правительства Хартума [Daly M.W. 2007, 250].

Начало современной острой фазы конфликта в Дарфуре относится к концу 2002 - началу 2003 гг. В этот период началось организованное вооруженное противостояние негроидных племен с правительственными войсками, а позднее с проправительственными формированиями арабских племен. Собственно, после первого крупного нападения на милицейские посты в Дарфуре 26 января 2003 г., в результате которого погибли сотни сотрудников суданского МВД, началась острая фаза кризиса [Кудров Е.А. 2008, 18, 21].

В связи с выдачей ордера на арест нынешнего суданского президента, на пресс-конференции в Москве посол Судана в России Чол Денг Алак обратился

к нашей стране с просьбой о помощи. Суданский дипломат очень надеется, что Россия воспользуется своим авторитетом на международной арене и спасет суверенитет африканского государства [ИТАР-ТАСС 18.07.2008].

Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун заявил, что судебные органы и правительство Судана должны обеспечить выполнение решения МУС об аресте президента этой страны, Омара аль-Башира. «Суданское правительство должно решить эту судебную проблему, выполняя резолюцию СБ ООН 1593 (обязывающую Судан сотрудничать с МУС)», – сказал Пан Ги Мун [РИА Новости 12.03.2009].

Что касается реакции международного сообщества, то Африканский союз (АС) и Лига Арабских государств (ЛАГ) высказались против ареста действующего президента Судана. СБ ООН вправе приостановить действие ордера МУС на год в интересах мирного урегулирования.

В ответ на решение Гаагского трибунала суданское правительство объявило о выдворении из страны 13 гуманитарных организаций.

СУНА (национальное информагентство Судана) сообщает, что суданская организация по правам человека решила заменить выдворенные из страны международные гуманитарные неправительственные организации на национальные. В связи с этим в стране активизируют свою деятельность суданские благотворительные организации, такие, как «Аз-Зубейр», «Исламское агентство по спасению», Фонд мира «Аль-Мааридж» [SUNA 08.03.2009].

Выступая на массовом митинге, организованном правительством в Хартуме, Омар аль-Башир назвал МУС «пережитком ужасных дней колониализма и их обвинения в его адрес являются открытым захватом суданских ресурсов, таких, как нефть».

Китай присоединился к АС и ЛАГ в призыве к СБ ООН использовать свою власть для того, чтобы отложить возбуждение уголовного дела на год, чтобы не сорвать мирные переговоры между правительством и повстанцами в Дарфуре.

Судан призвал 30 из 53 членов АС, присоединившихся к МУС, отозвать постоянного представителя государств при ООН Абдель-Махмуда Абдель-Халима, заявив, что суд представлял «такое же евро-американское правосудие, которое разрушило Ирак, Афганистан и, за последнее время, Газу».

В свою очередь, Омар аль-Башир пригрозил иностранным дипломатам, миротворцам ООН изгнанием из страны, если они не будут уважать местные законы [ИТАР-ТАСС 8.03.2009].

После объявления решения МУС, посольство США в Хартуме приняло решение о добровольной эвакуации части своих сотрудников. Представитель посольства США сообщил, что это дипломатический шаг в ответ на решение суданского правительства запретить деятельность международных гуманитарных организаций, которые работали в Дарфуре [Reuters 10.03.2009].

Разногласия в арабском мире

Многие африканские общественные и политические деятели уверены в том, что западные государства откровенно заинтересованы в потенциально огромных природных ресурсах Дарфура и их в действительности не беспокоит ситуация с правами человека в данном регионе, напротив, они и СМИ оказывают поддержку лидерам дарфурских повстанцев, проживающих на Западе.

Мнения в остальном арабском мире разделились. Официально ЛАГ, Еги-

пет и Сирия поддержали суданское правительство, представив это обвинение как заговор США. А саудовские издания, печатающиеся в Лондоне, напротив, утверждали, что обвинения против официальных лиц Судана были результатом политики, проводимой самим Суданом и его неспособностью принять действенные меры по урегулированию кризиса в Дарфуре [Inquiry and Analysis № 457, 24.07.2008.].

Африканские правительства совместно выступили против возможного уголовного преследования суданского президента Омара аль-Башира Гаагским трибуналом.

«Континент через АС обратился к СБ ООН с просьбой приостановить предъявление обвинения президенту Омару аль-Баширу», - заявил председатель комиссии АС Жан Пинг «на полях» встречи на высоком уровне африканских министров иностранных дел в Аддис-Абебе [IPS news].

Политический советник суданского президента и второе лицо в руководстве Партии Национального Конгресса, Нафи Али Нафи, заявил, что «действия прокурора МУС являются звеном в цепочке заговоров против Судана, направленных против его единства, безопасности и стабильности» [SUNA 12.07.2008].

Суданское ежедневное издание «Аль-Ахда» сообщает, ссылаясь на официальный источник суданского правительства, что если СБ ООН поддержит обвинительное заключение против суданского президента, то суданское правительство разорвет дипломатические отношения с ООН [Al-Ahdath 13.07.2008].

Примечательно, что суданские оппозиционные партии поддержали позицию правительства. Представитель главной оппозиционной партии аль-Умма заявил, что «обвинение негативно отразится на мирном процессе в Дарфуре и Южном Судане». Тем не менее, он призвал правящую партию «проявить сдержанность» [Al-Sharq Al-Awsat 15.07.2008].

Дарфурские повстанцы, напротив, приветствовали заявление МУС. Представитель Суданского Союза народно-освободительного движения Махджуб Хусейн сказал, что заявление МУС стало «победой гуманизма, достигнутой в Дарфуре» [Al-Nayat 15.07.2008].

Судан обратился к ЛАГ с просьбой провести экстренную встречу министров иностранных дел государств-членов Лиги для обсуждения судебного преследования аль-Башира. Министры иностранных дел полностью поддержали Судан и аль-Башира, а также обсудили предложение сделать невозможным лишение иммунитета главы государства [Al-Sharq Al-Awsat 20.07.2008].

Египет возглавил кампанию арабских государств против обвинения МУС, создав свой дипломатический корпус и группу египетских экспертов по международному праву для решения этого вопроса [Al-Sharq Al-Awsat 23.07.2008].

Профессор Каирского университета Айман Шебана указывает на «существенные доказательства присутствия США, Франции и Израиля в Дарфуре, которые стимулируют активность повстанцев». Он обратил особое внимание на стремление Суданской партии Освобождения, главной повстанческой группы, находящейся в Дарфуре, открыть в начале 2009 г. представительство в Тель-Авиве (Израиль). «Если бы повстанцев не поддерживали и не поощряли иностранные группы, кризис был бы разрешен еще пять лет назад», - сказал он [IPS news].

Следует отметить, что Пентагон занимался подготовкой африканских офицеров и военных специалистов в США на протяжении многих лет. Была

создана специальная программа военного образования и подготовки для офицеров из Чада, Эфиопии, Эритреи, Камеруна и ЦАР, то есть близко расположенных или граничащих с Суданом стран. Большие объемы американского оружия, подогревавшего ситуацию в Дарфуре и на юге, переправлялись через границы частными торговцами [Костелянец С.В. США, Китай и нефть в Судане и Чаде].

На сегодняшний день в трех самых “важных” соседних с Суданом странах – Уганде, Чаде и Эфиопии – отмечено американское военное присутствие, и в каждой из этих стран осуществляются специальные американские военные программы. Соединенные Штаты осуществляют в Судане и тайные операции, в том числе обучение повстанческих групп из Южного Судана, Уганды, Чада и Эфиопии.

С тех пор, как геологические карты, исследования и пробное бурение показали, что Дарфур расположен на нефтяном озере, американцы решили взять его под контроль [Al-Masa 15.07.2008].

После того, как МУС все-таки принял решение о выдаче ордера на арест Омара аль-Башира, в Судане прошли демонстрации в поддержку суданского президента. Сам же Омар аль-Башир предложил представителям МУС «съесть» свой ордер и заявил, что не намерен ограничивать себя в международных поездках.

Отношение европейских политиков и России к решению МУС

Судя по реакции суданского правительства на решение МУС, ясно одно, что отправить аль-Башира на скамью подсудимых абсолютно невозможно. Западные политики понимают, что вероятность смены власти в Судане равна нулю. В данной ситуации очевидно, что, как бы на словах США и западные державы не пытались арестовать действующего президента Судана, им все-таки придется договариваться с нынешним суданским правительством. Учитывая, что прямые контакты с официальным Хартумом исключены, западным лидерам для решения своих стратегических вопросов в этом регионе придется действовать через своих региональных союзников, таких, как Египет и Эфиопия.

Германия долгие годы наблюдает за происходящими событиями в Дарфуре и, со своей стороны, всячески старается способствовать стабилизации положения в этом регионе, выступая за мирное разрешение конфликта путем переговоров между конфликтующими сторонами. Немецкие вооруженные силы входят в состав миротворческой миссии ООН в Судане на основе резолюции № 663 (2006 г.) СБ ООН.

Главным вкладом Германии в разрешении дарфурского кризиса является предоставление гуманитарных услуг, оставаясь самым крупным финансовым донором в мире [Берг И.С. Немецкие политики и пресса комментируют решение МУС].

Во внешней политике Великобритании в Северной Африке и на Ближнем Востоке Судан занимает особое место, учитывая исторические связи двух государств. Со времен англо-египетского кондоминиума Судан остается в сфере геополитических интересов Лондона [Майко А.Г. Гуманитарная деятельность Великобритании в Дарфуре].

Сегодня же Великобритания достаточно активно присутствует в суданской общественно-политической жизни, обеспечивая гуманитарную помощь,

которая поступает по международным каналам и через общественные неправительственные организации. На сегодняшний день Великобритания является вторым после Соединенных Штатов донором гуманитарной помощи Судану [<http://www.dfid.gov.uk>].

Однако учитывая тот факт, что Великобритания оказалась в списке стран, поддержавших решение МУС, Хартум заявил о приостановлении деятельности гуманитарных миссий в Дарфуре и выдворении неправительственных организаций из Судана [Darfur: UN, Sudan assess humanitarian needs after ouster of aid groups].

Спецпредставитель Президента РФ Михаил Маргелов считает, что «несвоевременная реализация решения МУС создаст опасный прецедент в системе международных отношений и может негативным образом отразиться как на обстановке внутри Судана, так и на общей региональной ситуации».

По инициативе России 6 октября 2009 г. в Москве прошла конференция ООН по Судану под председательством главы комитета по международным делам Совета федерации РФ Михаила Маргелова. Спецпредставители России, Великобритании, ЕС, Китая, Франции и США по Судану приняли заявление, в котором «приветствовали признаки прогресса» в процессе урегулирования ситуации в этой стране, в том числе в движении к «полноформатному развертыванию» в Дарфуре миротворческого контингента ООН и Африканского союза [<http://www.mcds.ru>].

Таким образом, международная поддержка действующего суданского режима, оказываемая АС, ОИК и ЛАГ, наряду с Россией и Китаем, которые постоянно выступают в СБ ООН за мирное урегулирование ситуации в Дарфуре, направлена, в первую очередь, на недопущение возможного развала Судана на несколько так называемых государственных образований путем отстранения от власти нынешнего правительства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Profile: Sudan's President Bashir. —BBC News, 25.11.2003.
2. Министерство информации и связи Судана - <http://exinfo.gov.sd>
3. Daly M.W. Darfur's sorrow: a history of Destruction and Genocide. – Cambridge, 2007 – P. 94, 250
4. Samuel Totten, Eric Markusen Genocide in Darfur. – Routledge, 2006 – P.183
5. John Hagan, Wenona Rymond-Richmond Darfur and the Crime of Genocide // Cambridge Studies in Law and Society. Cambridge University Press, 2008 – P. 146
6. Amir H. Idris Conflict and Politics of Identify in Sudan. – New York, 2005. – P. 84.
7. Кудров Е.А. Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции. – М., 2008. – С. 18, 21.
8. ИТАР-ТАСС. 18.07.2008.
9. РИА Новости. 12.03.2009.
10. SUNA News Agency (Sudan). 08.03.2009.
11. ИТАР-ТАСС. 8.03.2009.
12. Reuters 10.03.2009.
13. Inquiry and Analysis № 457. 24.07.2008.
14. IPS news - <http://www.ipsnews.net/index.asp>
15. SUNA News Agency (Sudan). 12.07.2008.
16. Al-Ahdath (Sudan). 13.07.2008.
17. Al-Sharq Al-Awsat (London). 15.07.2008.
18. Al-Hayat (London). 15.07.2008.
19. Al-Sharq Al-Awsat (London). 20.07.2008.
20. Al-Sharq Al-Awsat (London). 23.07.2008.
21. IPS news - <http://www.ipsnews.org>
22. Костелянец С.В. США, Китай и нефть в Судане и Чаде. - <http://www.iimes.ru>
23. Al-Masa (Egypt). 15.07.2008.

24. Берг И.С. Немецкие политики и пресса комментируют решение МУС. - <http://www.iimes.ru>
25. Майко А.Г. Гуманитарная деятельность Великобритании в Дарфуре. - <http://www.iimes.ru>
26. UK Department for International Development. - <http://www.dfid.gov.uk>
27. Darfur: UN, Sudan assess humanitarian needs after ouster of aid groups. - <http://www.un.org>
28. Межрегиональный центр делового сотрудничества. - <http://www.mcds.ru>

S. Miftakhova

WILL SUDAN SUFFER THE SAME FATE WITH IRAQ?

Abstract. The announcement of the indictment caused uproar in the Sudanese and Arab media. Senior Sudanese government officials harshly condemned the ICC and its prosecutor threatening that the indictments would worsen the situation in Darfur. Sudanese opposition leaders and popular organizations took a similar position. This article reflects the response of the Arab League, African Union, European countries and Russian Federation to the recent developments.

Key words: Omar al-Bashir, Sudan, ICC, Darfur, African Union.

ПОСЛЕДСТВИЯ ГОРОДОВОЙ РЕФОРМЫ 1892 ГОДА ДЛЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ*

Аннотация. Городская реформа 1892 года усилила зависимость городского самоуправления от местной администрации: практиковалось назначение должностных лиц самоуправления, расширялись права губернатора относительно контроля за думскими решениями. Но контрреформа имела и положительные стороны: были сокращены штаты, регламентированы полномочия в законодательстве.

Ключевые слова: Городовое положение 1892 года, органы местного самоуправления, городская дума, городская управа, губернатор, правовой статус.

Убийство царя-реформатора 1 марта 1881 года повлекло за собой укрепление вертикали власти и усиление влияния правительства во внутригосударственных вопросах. Переход правительства к новому курсу ознаменовала собой реформа земских и городских органов местного самоуправления.

Новое Городовое положение, введённое в действие царским указом от 11 июня 1892 г., сохранило за городскими органами самоуправления весь комплекс вопросов, которыми они занимались ранее. Нетронутой осталась и прежняя организация общественного управления [1, 18-26]. Однако в результате проведения реформы коренным образом менялся характер отношений между государственной властью и думами, произошло усиление вертикали власти. Государство усиливало опеку над самоуправлением, сократив пределы их самостоятельности.

Из Городового положения 1892 года исчезло важное понятие «городского общества», и появилось понятие – «городское поселение». В результате «общественное» управление стало трактоваться как «казённое» управление (статья 7), как одно из «административных мест» (статья 137) [2, 194].

Согласно Городовому положению 1892 года сократился круг избирателей. Число гласных думы ставилось в зависимость как от числа избирателей, так и от количества городского поселения (статья 56). После реформы 1892 года избирательное право предоставлялось лишь тем горожанам, которые представляли наиболее состоятельную часть городского населения. Имущественный ценз значительно повысился: согласно статье 24, «правом участия в выборе гласных пользуются лица, состоящие в русском подданстве, а также благотворительные, учёные и учебные учреждения и учреждения правительственные, если эти учреждения и лица не менее одного года владеют в пределах городского поселения, на праве собственности или пожизненного владения, недвижимым имуществом, обложенным оценочным сбором ... в обеих столицах – не менее трех тысяч рублей, в губернских городах с населением свыше ста тысяч человек и в городе Одессе - не менее 1500 руб., прочих городах – не менее одной тысячи рублей, в остальных городских поселениях – не менее трехсот рублей...». В небольших городах общественное управление формировалось по упрощенному порядку - городскую думу заменяло собрание уполномоченных (12 представителей) избираемых сходом домохозяев, владеющих недвижимым

* © Щербаков С.В.

имуществом стоимостью не менее 10 рублей. По этим правилам городской голова и городская управа заменялись городским старостой с одним или двумя помощниками [3, 79]. Таким образом, имущественный ценз вытеснил разрядную систему выборов.

Однако сущность нововведений состояла в том, что местное самоуправление по реформе 1892 г. попало под контроль губернской администрации. Дело в том, что в Городовом положении 1892 г. было опущено имевшееся в предшествовавшем законе определение статуса городского общественного управления, гласившее, что «в пределах своей компетенции оно действует самостоятельно». В статье, определявшей компетенцию губернатора, также сделана поправка: вместо нормы, предоставляющей губернатору право наблюдать за законностью действий органов городского общественного управления, статья 11 нового Положения предписывала ему «следить за правильностью и законностью» этих действий [4, 68]. Очевидно, что такая поправка расширила полномочия губернатора по отношению к городской думе. Все это создавало условия для изменения отношений между правительством и местным самоуправлением в сторону усиления администрирования.

Органы городского самоуправления также претерпели некоторые изменения. Численность гласных подверглась сокращению в связи с достаточно резким сокращением численности избирателей. В соответствии со статьей 56 «в городских поселениях, имеющих не более 100 избирателей, в думе должно быть не более 20 гласных. Там, где число избирателей больше 100, на каждые 50 избирателей свыше этого числа прибавляется по 3 гласных до тех пор, пока их число не достигнет в столицах 160, в губернских городах с населением более 100000 человек и в г.Одессе – 80, прочих городах – 60, в остальных городских поселениях – 40» [5, 111]. Кроме того, в состав городских дум вводились по статье 57 председатель уездной земской управы и депутат от духовного ведомства с правом голоса.

Какое влияние оказало на численность избирателей увеличение имущественного ценза, свидетельствуют данные, приведенные Г.А. Шрейдером: «В Петербурге было более 21 тысячи избирателей, теперь менее 8 тысяч, в Москве было их более 20 тысяч, теперь немногим более 7 тысяч, в Киеве было 6890, теперь 291...» [6, 68].

По Положению 1892 г. за думой по-прежнему остались распорядительные функции, за управой – исполнительные, но вместе с тем управа оказалась в более выгодном положении по отношению к городской думе. Управа получила новый статус – учреждения, целиком зависимого от государственной. Это выразилось, к примеру, в том, что Городовое положение допускало возможность для исполнительного органа осуществлять полномочия распорядительного органа: согласно статье 89, если очередное собрание думы не состоится дважды из-за неприбытия положенного числа гласных, то подлежащие его рассмотрению доклады управы предоставляются с её заключением губернатору, и «те из них, с коими он не встретит препятствия согласиться, направляются к исполнению» [7, 195].

Администрирование чиновничье-бюрократического аппарата по отношению к городским думами как метод контроля их деятельности закреплялся в новом Положении тем, что права городских голов, председательствовавших в них, расширялись: теперь городской голова мог собственной властью в случае несогласия снимать включенные в повестку дня заседания думы вопросы. Ранее для этого требовалось согласие думы. Дума лишалась также права за нару-

шение законности членами управы предать их суду. Подобное решение теперь зависит от определения Губернского по городским делам присутствия. По Закону 1892 г. дума могла лишь просить о предании членов управы суду. Такой порядок ставил должностных лиц городского управления городского управления в большую зависимость от администрации, чем от думы. Поскольку статус думы выше, чем управы, последняя выбиралась думой и отчитывалась перед ней, поэтому именно перед думой управа и должна была отвечать за свои действия.

Если рассматривать городское общественное управление 90-х гг. XIX в. в России и все его учреждения с учетом приданных им Положением 1892 г. функций и степени разделения последних, то необходимо обратиться к статье 62, которая подчеркивает, что «...в круге предметов ведомства общественно-го управления думе принадлежит общая распорядительная власть» [8, 132]. Несмотря на то, что после 1892 г. дума стала более ограниченной в своей компетенции, она все-таки в общем отстояла свою прежнюю власть, в ней остался центр тяжести городского управления. Практически же получалось, что эта самая «общая распорядительная власть» не так уж велика, а политика государственного давления на думу скоро сделала ее совсем номинальной.

Таким образом, по Городовому положению 1892 г. в сравнении с Городовым положением 1870 г. существенно сокращался круг избирателей, число гласных в думе было также уменьшено, значительно сокращалось поле самостоятельных действий думы, заметно расширялись рамки контроля за деятельностью органов городского общественного управления со стороны губернской администрации. Все это свидетельствует о том, что учреждения городского самоуправления поставлены в большую зависимость от губернской администрации, которая имела возможность по своему усмотрению оказывать влияние на муниципальную власть. Следовательно, реформа 1892 года не продвинула российское общество к созданию демократического, правового государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гессен В.М. Городское самоуправление. - СПб., 1912.
2. Шрейдер Г.И. Городская контрреформа 11 июня 1892 г. // История России в XIX в. Т. 5. СПб (б.г.).
3. Мыш М.И. Городовое положение 11 июня 1892 г. с относящимися к нему указаниями, судебными и правительственными разъяснениями. – 7-е изд. – СПб., 1910.
4. Мыш М.И. Указ. соч.
5. Мыш М.И. Указ. соч.
6. Шрейдер Г.И. Указ. соч.
7. Мыш М.И. Указ. Соч.
8. Мыш М.И. Указ. Соч.

S. Shcherbakov

CONSEQUENCES THE POLICEMAN OF REFORM OF 1892 FOR LOCAL GOVERNMENT

Abstract. City reform of 1892 has strengthened dependence of city self-management on local administration: appointment of officials of self-management practised, the rights of the governor concerning the control over the Duma decisions extended. But counterreform had also positive sides: states have been reduced, regulated powers in the legislation.

Key words: Gorodovoe position of 1892, local governments, municipal дума, town council, the governor, a legal status.

ЧАСТНОЕ ПРАВО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

УДК 347.73

Боуш К.С., Натарова О.А.

ПОНЯТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ ПЛАТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ*

Аннотация. Статья посвящена исследованию наиболее важных вопросов, возникающих в сфере оказания платных образовательных услуг. В заключении формулируется авторская позиция по данному вопросу.

Ключевые слова: юридическая ответственность, правонарушение, платные образовательные услуги, законодательство об образовании.

«Ответственность имеет огромное значение в жизни общества. Большинство наших недостатков проистекает из безответственности» [8, 4].

Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств происходят из-за небрежного отношения к своим обязанностям.

Определение ответственности является общетеоретическим и не может быть различным в отдельных отраслях права: «истина нечто общечеловеческое» [9, 45].

В теории права юридическая ответственность трактуется как важная мера защиты интересов личности, общества и государства. Она наступает вследствие невыполнения предписаний правовых норм. Для гражданско-правовой ответственности такая конструкция неприемлема.

Во-первых, как пишет В.А. Тархов, связь юридической ответственности с государством заключается, главным образом, в том, что она обязательно регулируется установленными государством правовыми нормами [7, 27]. Непосредственное же участие государства (его органов) в правовом отношении гражданско-правовой ответственности возникает только при обращении к нему сторон [4, 26].

Во-вторых, продолжает В.А. Тархов: «Факт правонарушения порождает правовое отношение лишь при том, если ответственность не охватывается уже существующим между сторонами отношением, возникшим ранее из правомерных действий, либо событий. В этом аспекте необходимо различать абсолютные и относительные правоотношения. Во-первых, пассивная сторона не обязывается к совершению каких-либо положительных действий, однако должна воздержаться от нарушения прав управомоченного лица. При нарушении этой обязанности ответственность осуществляется в рамках того же правоотношения, если к тому нет каких-либо препятствий» [6, 118].

Термин «ответственность» достаточно многообразен. Так, говорят о чувстве ответственности и ответственном поведении. Можно повысить ответственность, взять ответственность на себя, привлечь лицо к ответственности и освободить от нее. Наконец, есть люди, поступающие ответственно, и лица, занимающие ответственное положение, а в хозяйственной сфере действуют пред-

* © Боуш К.С., Натарова О.А.

приятия с ограниченной ответственностью. Что же объединяет эти различные по содержанию, но определяемые одним термином понятия?

В настоящее время не существует единой позиции относительно определения юридической ответственности, ее содержания и деления на виды, свидетельством чего является и то, что некоторые юристы экономические санкции относят к одному из видов юридической ответственности [5, 76].

Так, О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский утверждали, что «юридическая ответственность есть сочетание трех элементов», они определяли юридическую ответственность как меру государственного принуждения, основанную на юридическом или общественном осуждении поведения правонарушителя и выражающуюся в установлении для него определенных отрицательных последствий в виде ограничений личного и имущественного порядка [3, 314-318].

С.С. Алексеев еще в начале 70-х годов отмечал, что сущность юридической ответственности состоит в обязанности лица претерпевать меры государственно-принудительного воздействия за совершенное правонарушение [2, 180]. Это мнение он отстаивает и сейчас («применение к виновному лицу мер государственного принуждения за совершение правонарушения») [1, 74].

То есть мы видим, что «юридическая ответственность» трактуется в правовой и научной литературе неоднозначно. Одни авторы сводили ее только к разновидности санкций, другие под ней подразумевали сам процесс их применения. Третьи представляли ее в виде охранительного правоотношения, возникающего между нарушителем и государственными органами.

Особый интерес вызывает мера юридической ответственности в сфере оказания платных образовательных услуг. Рассмотрим данный аспект.

За неисполнение либо за ненадлежащее исполнение обязательств, вытекающих из договора на оказание возмездных образовательных услуг, стороны могут быть привлечены к ответственности. В Законах об образовании и о высшем и послевузовском профессиональном образовании лишь самым поверхностным образом затрагиваются вопросы, касающиеся ответственности образовательного учреждения и студентов. Более того, нормы данных законов об ответственности образовательного учреждения носят в целом декларативный характер.

Заметим, что договор на оказание возмездных образовательных услуг является нетипичным гражданско-правовым договором, в силу этого к нему применяются положения об ответственности, предусмотренные как гражданским, так и образовательным законодательством.

При совершении студентом правонарушения, ответственность за которое предусмотрена одновременно и Уставом и договором (например, пропуск занятий), вуз самостоятельно выбирает вид юридической ответственности, подлежащей применению к студенту.

В соответствии с п. 9 ст. 16 Закона о высшем и послевузовском профессиональном образовании к студентам могут быть применены дисциплинарные взыскания вплоть до отчисления из вуза за нарушение обязанностей, вытекающих из Устава и правил внутреннего распорядка вуза.

Что касается мер ответственности вуза, то законодательство об образовании практически обходит данный вопрос стороной, за исключением следующего: так, в ст. 38 Закона об образовании предусмотрено, что государственная аттестационная служба на основании решения общего собрания обучающихся образовательного учреждения или официального представления государс-

твенной службы занятости населения может направить образовательному учреждению, имеющему государственную аккредитацию, рекламацию на качество образования и (или) несоответствие образования требованиям соответствующего государственного образовательного стандарта. Данная рекламация является основанием для предъявления государством в лице уполномоченных государственных органов управления образованием иска по возмещению дополнительных затрат на переподготовку этих выпускников в других образовательных учреждениях (ст. 49 Закона об образовании). Содержание указанных норм вызывает определенные замечания. Прежде всего, Закон об образовании предусмотрел право государства требовать возмещения вреда за переподготовку выпускников в других образовательных учреждениях, но изначально не закрепил право самого студента требовать переподготовки и осуществления выбора им образовательного учреждения; во-вторых, не предусмотрен механизм перевода студентов в другое образовательное учреждение; в-третьих, иск по возмещению дополнительных затрат на переподготовку выпускников может быть предъявлен государством только к негосударственному образовательному учреждению; в-четвертых, непонятно, почему рекламация и иск могут быть предъявлены только к образовательному учреждению, имеющему государственную аккредитацию. Студенты образовательных организаций иных организационно-правовых форм, образовательных учреждений, не имеющих государственной аккредитации, оказались незащищенными в данной ситуации. Представляется, что государство обязано в равной мере защищать обучающихся любой образовательной организации вне зависимости от вида организационно-правовой формы вуза, а также от того, имеет ли данная организация государственную аккредитацию или нет.

Требования к образовательному учреждению могут быть предъявлены обучающимися и на основании ст. ст. 723, 739 ГК РФ и ст. 29 Закона о защите прав потребителей, по предоставлению качественных образовательных услуг. Меры ответственности будут зависеть от вида недостатка: законодатель классифицирует их на обычные и существенные.

Заметим, что пока на законотворческом уровне не будут закреплены критерии качества образовательной услуги, установлен механизм ее определения и размер ответственности, – удовлетворение исков по поводу некачественного образования – маловероятный факт. Привлечь вуз к ответственности за некачественное образование возможно только в том случае, если ответственность предусмотрена договором на оказание возмездных образовательных услуг. Данный договор относится к категории договоров присоединения, и в связи с этим обучающийся не вправе настаивать на включение в него каких-либо условий. Поэтому в целях защиты прав и интересов студентов основания и меры ответственности вуза в обязательном порядке должны быть конкретизированы в образовательном законодательстве.

Таким образом, деятельность вуза по предоставлению возмездных образовательных услуг по своей сути является предпринимательской деятельностью. В связи с этим за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора на оказание возмездных образовательных услуг вуз должен нести гражданско-правовую ответственность как предприниматель. Кроме возмещения имущественного вреда, вуз обязан компенсировать потребителю образовательных услуг и причиненный моральный вред по правилам ст. 15 Закона о защите прав потребителей, т.е. при наличии вины вуза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С.С. Право: азбука-теория-философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999.
2. Алексеев С.С. Теория права. – М., 1994.
3. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. – М., 1961.
4. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. – М., 1958.
5. Рутман Л.М. Экономические санкции в хозяйственной сфере как разновидность юридической ответственности // Советское государство и право. – 1988. № 1.
6. Тархов В.А. Гражданские права и ответственность. – Уфа, 1996.
7. Тархов В.А. Гражданское право. Курс. Общая часть. – Уфа, 1998.
8. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. – Саратов, 1973.
9. Чернышевский В.М. К вопросу о понятии юридической ответственности в сб.: Вопросы теории советского права. – Новосибирск, 1966.

К. Boush, O. Natarova

CONCEPT OF LEGAL RESPONSIBILITY IN THE SPHERE OF RENDERING OF PAID EDUCATIONAL SERVICES

Abstract. The article is devoted to research of the most important questions which arising in the sphere of rendering of paid educational services. In the conclusion the author's position on this point of view is formulated.

Key words: legal responsibility, offence, paid educational services, the legislation about education.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПРАВО СОАВТОРОВ НА ПРОИЗВЕДЕНИЕ*

Аннотация. Целью данной статьи является изложение проблемных аспектов совместного обладания исключительным правом на произведение и его использования с учетом обновленного законодательства об интеллектуальной собственности. В статье не рассматривается правовой режим служебного произведения и произведения, созданного по государственному или муниципальному контракту.

Ключевые слова: исключительное право, соавторство, раздельное соавторство, нераздельное соавторство, распоряжение авторским правом.

Статья посвящена возникновению, содержанию и особенностям исключительного права соавторов на произведение и правовому режиму его использования. В исследовании учтен и проанализирован ряд новелл российского законодательства, связанных с регулированием исключительного права, принадлежащего соавторам произведения; проведен сравнительный анализ норм российского и зарубежного законодательства.

Как известно, сущность исключительного права на произведение определена в ст. 1226 и ст. 1229 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Из всей совокупности интеллектуальных прав именно исключительное право является объектом гражданского оборота. В исключительном праве, определенном В.А. Дозорцевым как «абсолютное право на нематериальный объект» [7, 15], получает выражение «имущественная ценность охраноспособного результата интеллектуальной деятельности ...» [10, 279].

Имущественный характер исключительного права на произведение неоднократно подчеркивался в правовой литературе [13, 73; 3, 117, 195]. Экономическое содержание исключительного права как права имущественного является главной предпосылкой установления правовой охраны в отношении объектов исключительного права. В.А. Дозорцев отмечал, что нематериальный объект должен иметь коммерческую ценность, выступать в качестве объекта экономического оборота: без этого нет смысла распространять на него исключительное право [7, 38].

В отношении любого объекта интеллектуальной собственности действует только одно единое и неделимое исключительное право. По мнению Э.П. Гаврилова, в отношении каждого охраняемого объекта действует только одно исключительное право [5, 8]. Е.А. Павлова также отмечает, что исключительное право рассматривается в ГК РФ как единое право, состоящее из совокупности правомочий, содержание которых определяется способами использования произведения [12, 21].

Содержание исключительного права на произведение раскрыто в п.1 ст. 1229 ГК РФ, в соответствии с которым его обладатель вправе:

- использовать результат интеллектуальной деятельности;
- распоряжаться соответствующим исключительным правом;
- запрещать другим лицам использование результата интеллектуальной

* © Гумовский А.В.

деятельности.

В.А. Дозорцев считал, что «в содержание исключительного права входят два правомочия – использование и распоряжение. Но объектом использования является сам результат, а объектом распоряжения – право на него, право его использования» [7, 121]. Данный подход реализован в части четвертой ГК РФ.

Распоряжение исключительным правом – родовое понятие, которое включает в себя, в том числе, отчуждение исключительного права, а также предоставление другому лицу права использования результата интеллектуальной деятельности. Распоряжение исключительным правом опосредуется заключением договора об отчуждении исключительного права, лицензионного договора или иного договора, например, договора о залоге исключительного права.

Отравной точкой в юридической судьбе исключительного права служит положение п.3 ст.1228 ГК РФ, в соответствии с которым исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, созданный творческим трудом, первоначально возникает у его автора. Это право может быть передано автором другому лицу по договору, а также перейти к другим лицам по иным основаниям, установленным законом. При этом в соответствии с п.1 ст.1228 ГК РФ автором результата интеллектуальной деятельности признаётся гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. Э.П. Гаврилов подчеркивает, что «творческий труд» и «интеллектуальная деятельность» употребляются в данной норме как синонимы [5, 10].

Создание результата интеллектуальной деятельности представляет собой юридический поступок. Это означает, что авторами результатов интеллектуальной деятельности могут быть только физические лица, в том числе не обладающие дееспособностью. В то же время в п. 2 ст. 1229 ГК РФ указывается, что исключительное право на результат интеллектуальной деятельности может принадлежать одному лицу или нескольким лицам совместно (в том числе юридическим лицам).

Хотя исключительные права на произведение, как и любые исключительные права, относятся к имущественным правам, вместе с тем эти права связаны с личностью автора. Исключительные права на произведение могут находиться в гражданском обороте, но при этом действуют следующие принципиальные положения, закреплённые в ГК РФ, в которых проявляется связь этих прав с личностью автора:

- первоначально исключительное право на произведение возникает только у автора / авторов. Это базисное положение зафиксировано в первом предложении п.3 ст. 1228 ГК РФ. Из принципа первоначального возникновения исключительного права на результат интеллектуальной деятельности лишь у автора вытекает положение о том, что любые иные лица могут обладать таким исключительным правом только как правопреемники автора. Иными словами, они должны быть в состоянии доказать правомерность своего обладания исключительным правом [2, 25], что имеет решающее значение при осуществлении защиты исключительных прав;

- условия договора об отчуждении исключительного права или лицензионного договора, ограничивающие право гражданина создавать результаты интеллектуальной деятельности определённого рода или в определённой области интеллектуальной деятельности, либо отчуждать исключительное право на такие результаты другим лицам, ничтожны. Этот принцип заложен в п.4 ст.1233

ГК РФ. Представляется, что этот пункт подчёркивает связь автора / авторов с исключительным правом, возникшим на созданный (создаваемый) им результат. В этом пункте содержится несколько императивных правил, устанавливающих ничтожность некоторых условий договоров, но не только потому, что они противоречат п.4 ст. 1233 ГК РФ. Названные условия будут ничтожными и на основании ст. 22 ГК РФ, устанавливающей недопустимость лишения и ограничения правоспособности и дееспособности граждан. Ничтожны любые сделки, направленные на полный или частичный отказ любого гражданина от любых составных частей правоспособности или дееспособности или на ограничение правоспособности и дееспособности. Нормы п.4 ст. 1233 ГК РФ являются конкретными примерами общих норм, содержащихся в ст. 22 ГК РФ [2, 27];

- недопустимо обращение взыскания на принадлежащее автору / авторам исключительное право на произведение. Эта норма содержится в п.1 ст. 1284 ГК РФ. Поскольку исключительное право на произведение, принадлежащее своим создателям, не может принудительно оказаться в гражданском обороте, это означает, что оно не способно выступать и предметом залоговых отношений. Эта норма дополняет ч.1 ст. 446 ГПК РФ, содержащую перечень видов имущества, на которое нельзя обратить взыскание по исполнительным документам. Вместе с тем ст.1284 ГК РФ не содержит запрета обращения взыскания на доходы, полученные от использования произведения, а также на те материальные носители, в которых выражены эти произведения (рукопись произведения, оригинал картины или мастер-копия);

- преимущественное право автора произведения на приобретение права использования произведения, ранее предоставленного им лицензиату, а ныне продаваемого с публичных торгов. Соответствующая норма содержится в п.2 ст. 1284 ГК РФ. Однако если авторы ранее заключили договор об отчуждении своего исключительного права, то они не пользуются указанным преимущественным правом приобретения лицензионных прав, предоставленных новым правообладателем.

Возникновение соавторства и совместного обладания исключительными правами на произведение

Положения п.1 ст.8 ГК РФ во взаимосвязи с п.3 ст. 1228 и ст. 1241 ГК РФ указывают на то, что исключительное право на произведение может принадлежать совместно нескольким лицам:

- в результате создания продукта интеллектуальной деятельности несколькими лицами (соавторство);
- на основании, предусмотренном законом (наследование (п.1 ст.1283 ГК РФ), реорганизация юридического лица и проч.);
- по договору.

В соответствии с п. 4 ст. 1228 ГК РФ права на результат интеллектуальной деятельности, созданный совместным творческим трудом двух или более граждан (соавторство), принадлежат соавторам совместно. В силу п. 1 ст.1258 ГК РФ граждане, создавшие произведение совместным творческим трудом, признаются соавторами, независимо от того, образует ли такое произведение неразрывное целое или состоит из частей, каждая из которых имеет самостоятельное значение.

Соавторство на произведение может быть двух видов: раздельное (делимое) и нераздельное (неделимое). При раздельном соавторстве произведение состоит из частей, каждая из которых имеет самостоятельное значение, и у каждой

такой части единственный автор. Если самостоятельные части произведения написаны соавторами, отдельного соавторства не возникает. Раздельное соавторство связано с правом автора части произведения, имеющего самостоятельное значение, использовать соответствующую часть произведения по своему усмотрению, если соглашением между соавторами не предусмотрено иное (п. 2 ст. 1258 ГК РФ). Обеспечение такого права является основной предпосылкой возникновения раздельного соавторства как правовой категории. При нераздельном соавторстве произведение образует неразрывное целое, то есть оно не может быть разделено на части, имеющие самостоятельное значение. Как указывает Э.П. Гаврилов, «неделимое соавторство есть соавторство по закону, оно не может быть прекращено соглашением сторон» [5, 115].

Рассуждая о неделимом соавторстве, Я.А. Канторович писал, что, хотя бы между соавторами и был распределён труд писания, и каждый из них писал одну какую-либо часть, но ввиду нераздельности произведения авторство каждого распространяется на всё произведение, и поэтому все соавторы сохраняют авторское право на всё произведение. В случае такого соавторства субъектом авторского права являются все соавторы вместе, объектом же этого права – нераздельное произведение, составляющее одно самостоятельное целое [8, 312-313].

Г.Ф. Шершеневич отмечал по этому поводу, что «учёное произведение может быть написано таким образом, что каждая глава носит подпись своего творца. Но так как каждая из этих глав не имеет самостоятельного значения и теряется в значении трактата как цельного произведения, то авторское право имеет своим объектом последнее, а не каждую главу в отдельности» [13, 135].

Из вышеприведенного видно, что в большинстве случаев сотворчества, исключительное право на созданное произведение в целом признаётся за всеми соавторами. В то же время следует отметить, что действующее российское законодательство предусматривает охрану и частей произведения, имеющих самостоятельное значение, и предусматривает особый правовой режим их использования (в широком смысле слова).

Действующее законодательство не упоминает о необходимости соглашения между соавторами о создании произведения. Между тем Э.П. Гаврилов считает, что совместный творческий труд – это труд, осуществляемый по соглашению между соавторами. Такое соглашение – устное или письменное – обязательно должно существовать. Отсутствие соглашения никогда и ни при каких условиях не приводит к соавторству [5, 115]. Существует мнение, что такого рода соглашения являются фидуциарными сделками, т.е. сделками, основанными на доверии. Г.Ф. Шершеневич, размышляя о соавторстве, писал в этом отношении: «Два лица, хорошо знающие и доверяющие взаимно творческой способности, принимают за совместную работу, в результате которой получается самостоятельное единое сочинение» [13, 135].

В зарубежном законодательстве вопрос о виде соавторства решается по-разному. В законах Великобритании (“Copyright, Design and Patents Act 1988”), Израиля (“The Copyright Act”, 2007) и Италии (“Law for the Protection of Copyright and Neighboring Right” 2003) соавторство предполагается неделимым. Так, в ст. 10 «Совместные произведения» закона Великобритании «Copyright, Design and Patents Act. 1988» произведение соавторов определяется следующим образом: «(1)...произведение, созданное при сотрудничестве двух или более авторов, в котором вклад каждого автора не отделим от вклада другого

автора или других авторов». В п. 6 ст. 79 указывается, что «право называться автором не применяется в отношении публикаций в: (а) газете, журнале или других периодических изданиях; (б) энциклопедиях, словарях, ежегодниках или других коллективных работах реферативного типа...».

В обновлённом в октябре 2009 года законе США “Copyright Law of the United States” в параграфе 101 «Определения» (толкование категорий «автор» и «соавтор»), в параграфе 201 «Собственники авторского права», в параграфе 302 «Срок действия авторского права» и в параграфе 409 «Заявка на регистрацию авторского права» предоставлено достаточно оснований для того, чтобы утверждать, что соавторство рассматривается только как нераздельное. Новеллой в этом законе является выделение категории “compilation” (компиляция, сборник), противопоставленной категории “joint work” (соавторское произведение). Compilation определяется «как произведение, состоящие из набора ранее созданных материалов, которые отобраны, приведены в соответствие и скомпонованы таким образом, что получившееся произведение в целом составляет новую авторскую работу. Термин “compilation” включает коллективные произведения» (А.Г.). А в пункте “с” параграфа 201 «Статьи в коллективных произведениях» указывается: «авторское право на каждый отдельный вклад в коллективное произведение заметно отличается от авторского права на всё произведение. Следует исходить из того, что обладатель авторского права в коллективном произведении приобрёл только лишь привилегию воспроизведения и распространения своего вклада, но только как части этого коллективного произведения, его переработки и использования в последующем коллективном произведении этой же серии» (А.Г.).

В законодательствах Франции и Германии допускается делимое соавторство. Так, согласно ст. L. 113-2 Кодекса интеллектуальной собственности Франции, «произведение, созданное в сотрудничестве», означает произведение, в создании которого участвовало более одного физического лица. Согласно ст. L.113-3, если вклад каждого из соавторов имеет различный вид, каждый может, если соглашением не предусмотрено иное, отдельно использовать свой собственный персональный вклад, не нанося, однако, ущерба использованию общего произведения. Параграф 9 закона Германии «Gesetz über Urheberrecht und verwandte Schutzrechte», 2008 содержит следующее положение: «Если несколько авторов объединили свои произведения для совместного использования, то каждый из них должен дать согласие на опубликование, использование и изменение совместного произведения, о чем требуется составить договор» (А.Г.).

Обобщение рассмотренного подводит к выводу о том, что необходимыми и достаточными условиями для возникновения соавторства выступают, во-первых, соглашение между соавторами (устное или письменное); во-вторых, творческое участие всех соавторов в создании произведения. Данное соглашение должно быть заключено до начала работы над созданием произведения при нераздельном соавторстве. В отношении раздельного соавторства в некоторых случаях такое соглашение может быть заключено после создания каждым из соавторов частей произведения, имеющих самостоятельное значение.

Отношения по поводу использования исключительного права на произведение и распоряжения им

Независимо от оснований возникновения совместного исключительного права при совместном обладании им возникают отношения между соавторами

(правообладателями) по поводу использования произведения и распоряжения исключительным правом на него. В соответствии с п.3 ст.1229 ГК РФ эти отношения (в общем случае) урегулированы следующим образом:

- когда исключительное право на результат интеллектуальной деятельности принадлежит нескольким лицам совместно, каждый из правообладателей может использовать такой результат по своему усмотрению, если Кодексом или соглашением между правообладателями не предусмотрено иное;
- распоряжение исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности осуществляется правообладателями совместно, если ГК РФ не предусмотрено иное.

Вместе с тем использование произведения, созданного в соавторстве, регулируется в других статьях Кодекса. Так, в силу п. 2 ст. 1258 ГК РФ, произведение, созданное в соавторстве, используется соавторами совместно, если соглашением между ними не предусмотрено иное. Как отмечает Э.П. Гаврилов, «на практике это обычно означает, что все соавторы подписывают договор об использовании произведения» [5, 115]. Для сравнения приведем другой подход к регулированию: согласно п.2 ст. 1348 ГК РФ каждый из соавторов вправе использовать изобретение по своему усмотрению, если соглашением между ними не предусмотрено иное.

Исключительное право на произведение – право абсолютное. Если исключительное право на произведение принадлежит совместно нескольким правообладателям, дополнительно к абсолютным правоотношениям между правообладателями возникают обязательственные правоотношения [9, 102]. При этом из части IV ГК РФ не вытекает обязанность правообладателей заключать между собой соглашение об использовании произведения. Вместе с тем в таком соглашении могут содержаться положения, регулирующие:

- порядок использования результата интеллектуальной деятельности (п.3 ст.1229, п. 2 ст. 1258, п. 2 ст. 1348 ГК РФ);
- взаимоотношения лиц, которым исключительное право принадлежит совместно (п. 3 ст. 1229 ГК РФ);
- порядок распределения доходов от совместного использования интеллектуальной собственности.

Принимая во внимание нематериальный характер результата интеллектуальной деятельности, исключительное право на который принадлежит нескольким правообладателям, следует различать использование соответствующего результата каждым из правообладателей по своему усмотрению и совместное использование такого результата. Как отмечает Э.П. Гаврилов, использование результатов интеллектуальной деятельности по своему усмотрению означает право использовать охраняемый объект «без согласования такого использования с остальными правообладателями» [5, 17]. Такое использование не должно считаться «совместным использованием», а потому доходы от него принадлежат каждому правообладателю индивидуально [5, 17].

Использование произведения существенным образом отличается от использования имущества, находящегося в общей долевой собственности, которое может осуществляться только по соглашению всех её участников (п.1 ст. 257 ГК РФ). Любое использование имущества, находящегося в общей долевой собственности, является совместным, а доходы от использования такого имущества поступают в состав общего имущества и распределяются между участниками долевой собственности соразмерно их долям, если иное не предусмот-

рено соглашением между ними [ст. 248 ГК РФ].

В связи с тем, что в ГК РФ прямо не решён вопрос о правомерности применения к совместному обладанию исключительным правом положений об общей собственности, а также для правильного понимания и применения положений о совместном обладании исключительным правом, необходимо рассмотреть возможность использования аналогии закона – средства восполнения пробелов в правовом регулировании гражданских отношений.

В отношении любого объекта интеллектуальной собственности признается только одно единое и неделимое исключительное право, которое лингвистически выражено в ст. 1226 ГК РФ в единственном числе, тогда как неимущественные и иные права – во множественном числе. В гражданско-правовом обороте не может находиться доля в исключительном праве.

Вместе с тем в современной юридической литературе, изданной до вступления в силу части IV ГК РФ, прямо говорится о долях в исключительном праве. Э.П. Гаврилов неоднократно указывал на возможность применения по аналогии положений о долевой собственности к исключительным правам со ссылкой на судебную практику [4, 21-25].

Аналогия закона – применение гражданского законодательства, регулирующего сходные отношения. Ключевое слово здесь «сходные». В. Кастальский считает, что аналогия закона правомерна только тогда, когда к отношениям сторон применяются положения нормативных правовых актов, регулирующих отношения в рамках той же подотрасли или института гражданского права [9, 103]. Соответственно, тогда к отношениям, связанным с совместным обладанием исключительным правом, могут быть применены в порядке аналогии положения части IV ГК РФ (п.4 ст.1258 и п.4 ст.1358), но не положения главы 16 ГК РФ «Общая собственность». Представляется, что в порядке аналогии закона в случае нарушения исключительного права, принадлежащего вторичным обладателям, могут быть применимы положения части IV ГК РФ о праве каждого из соавторов принимать меры по защите своих прав на произведения.

Как указывал Я.А. Канторович, ссылка на правила об общей собственности имеет исключительно технические удобства, дабы устранить необходимость подробного определения взаимных отношений соучастников в общем авторском праве. «Само собою разумеется, правила об общей собственности должны быть применимы к данному случаю не буквально, а с принятием в соображение особенностей авторского права, отличающих его от обыкновенной собственности. Не может быть речи о раздроблении этого права ни в смысле фактического раздела между собственниками, ни в смысле определения идеальных долей соавторов» [8, 318].

Споры о нарушении исключительного права – это всегда экономические споры. В рассматриваемом контексте доля в исключительном праве определяется судом только для целей соразмерной выплаты вознаграждения правообладателям за использование охраняемых авторским правом произведений. Именно такой позиции придерживается Верховный суд РФ. В соответствии с п.31 постановления Пленума Верховного суда РФ от 19 июня 2006 года, №15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах», при получении несколькими наследниками по закону, либо по завещанию авторского права и смежных прав наследователя без выделения конкретных наследуемых объектов авторского права и (или) смежных прав, следует иметь в

виду, что в этом случае у наследников возникает аналогичный нераздельному соавторству объём правомочий в отношении наследуемых прав на совместное использование всех произведений и (или) объектов смежных прав. Права, перешедшие к наследникам, составляют неразрывное целое, и ни один из наследников не вправе без достаточных к тому оснований запретить использование произведения. Вознаграждение за использование прав должно распределяться соответственно наследственным долям.

По мнению В. Кастальского, указанная позиция Верховного суда РФ может и должна быть применима не только к исключительному праву на объекты авторских прав. Поскольку исключительное право принадлежит нескольким правообладателям, вопрос должен ставиться не о доле каждого из них в исключительном праве, а о соразмерном распределении доходов от совместного использования объекта исключительного права и совместного распоряжения соответствующим исключительным правом [9, 104].

В силу закона, т.е. при наступлении предусмотренных законом оснований, исключительное право на произведение может принадлежать нескольким правообладателям на основании ст. 1241 ГК РФ, когда, например, на стороне наследников выступает несколько лиц. Кроме того, совместное обладание допустимо и применительно к исключительному праву на служебное произведение. Как отмечает Э.П. Гаврилов, заключённый между работником и работодателем договор может предусматривать и совместное владение правами на служебное произведение [2, 25]. В соответствии с п.1 ст. 308 ГК РФ правомерным является и заключение договора об отчуждении исключительного права, где в качестве приобретателя участвуют одновременно несколько лиц.

Однако в ГК РФ прямо не решён вопрос о допустимости расширения круга правообладателей путём заключения гражданско-правового договора. В. Кастальский считает, что в силу общих начал и смысла гражданского законодательства на этот вопрос следует дать положительный ответ, и делает попытку определения такого непоименованного Кодексом договора [9, 101]. При заключении договора с целью расширения состава правообладателей возникает ситуация, когда исключительное право, принадлежащее «первому» правообладателю, после вступления в силу соответствующего договора принадлежит уже нескольким правообладателям, включая и «первого». По мнению В. Кастальского, в этом случае не происходит отчуждения исключительного права, поскольку правообладатель продолжает оставаться таковым. Как указывал Д.И. Мейер, «для отчуждения необходимо только, чтобы право, насколько оно переходит к новому субъекту, настолько (не менее) отошло от прежнего: это именно составляет существо отчуждения права» [11, 240]. Рассматриваемый договор не является также лицензионным договором, так как после вступления договора в силу каждый из контрагентов выступает обладателем исключительного права на соответствующий результат интеллектуальной деятельности. В. Кастальский считает, что предмет такого договора может быть определён как договор об установлении в отношении соответствующего результата интеллектуальной деятельности режима совместного обладания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилов Э.П. Авторские договоры в России. СПС «КонсультантПлюс».
2. Гаврилов Э.П. Исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности как права, связанные с личностью автора // *Хозяйство и право*. – 2008. №9.
3. Гаврилов Э.П. Комментарий к Закону об авторском праве и смежных правах. – 4-е изд. – М.: Экзамен, 2005.
4. Гаврилов Э.П. Совместное владение авторскими правами // *Патенты и лицензии*. – 2003. №4.
5. Гаврилов Э.П., Городов О.А., Гришаев С.П. Комментарий к ГК РФ (постатейный). Часть четвертая. – М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2007.
6. Гумовский А.В. Правовое регулирование отношений, связанных с совместным созданием произведений, в законодательствах зарубежных стран // *Материалы Международной научной конференции «Цивилизация знаний: инновационный переход к обществу высоких технологий» 25 апреля 2009 года. Часть II.*
7. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации. Сборник статей. – М.: Статут, 2003.
8. Канторович Я.А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и литературные произведения. – Петроград, 1916.
9. Кастальский В. Совместное обладание исключительным правом // *Хозяйство и право*. – 2008. № 4.
10. Маковский А.Л. Комментарий к части четвертой ГК РФ. – М.: Статут, 2008.
11. Мейер Д.И. Русское гражданское право. В 2-х частях. – М., 2000. Ч.1.
12. Павлова Е.А. Авторское право в Гражданском кодексе РФ // *Хозяйство и право*. – 2007. № 10.
13. Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения. – Казань, 1891.
14. Collection of National Copyright Laws: UNESCO Cultural Sector. <http://www.UNESCO.org>.

A. Gumovskiy

EXCLUSIVE RIGHT OF CO-AUTHORS TO THEIR JOINT WORK

Abstract. The article is devoted to the origin, content and features of the exclusive right of co-authors to their joint work and to the legal regime of its use. The novelty value of the research consists in the fact that a number of innovative pieces of Russian legislation related to the regulation of the exclusive right belonging to co-authors is subjected to analysis; the comparative analysis of the norms of Russian and foreign legislation is carried out.

Key words: copyright, copyright owner, joint authorship, co-authors, exclusive right.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АНТИМОНОПОЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА*

Аннотация. Термин «правовой нигилизм» в юридической литературе характеризует отрицание права как социальной ценности и, вследствие этого, негативное отношение к действующей правовой системе, законодательству. Сегодня эта проблема стоит на повестке дня в России.

Ключевые слова: правовой нигилизм, государственный антимонопольный контроль, реклама, конкуренция.

На фоне общего снижения правовой культуры, недоверия населения к судебной власти, правоохранительным органам, роста правового нигилизма в обществе, отмечаемого многими исследователями [1, 23; 2, 153; 3, 153-154, 4], деятельность Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации (далее – ФАС РФ) по контролю правоприменения в рекламной сфере демонстрирует в последние годы пример возможного достижения равенства всех перед законом.

Несомненно алогичное принципам организованного сообщества людей мировоззрение, каким является правовой нигилизм, выражается разными способами: от распространения теоретических постулатов до фактических правонарушающих действий. Есть такое мнение, что правовой нигилизм – это патология правового сознания, обусловленная определенным состоянием общества. Поэтому тактика борьбы с ним должна быть разнообразной, в том числе путем изменения содержания правового регулирования, максимального приближения юридических норм к интересам различных слоев населения, улучшения правоприменительной практики [5, 776; 6, 510].

В 2006 году совсем не случайно почти одновременно вошли в силу Федеральные законы «О рекламе» № 38-ФЗ (далее – Закон о рекламе) [7] и № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [8], в равной степени отстаивающие превосходство добросовестных партнерских отношений, что послужило причиной расширения практики предъявления антимонопольными ведомствами исков к органам власти различных уровней за нарушения законодательства. Несмотря на то, что деятельность ФАС РФ в рамках данных направлений осуществляется в соответствии с разными законодательными актами, контроль за фактами недобросовестной конкуренции и ненадлежащей рекламы со стороны антимонопольного ведомства сгруппирован в рамках одной задачи, исходя из единства достигаемых целей при реализации мероприятий.

Все виды *неправомерной* рекламы (представляется целесообразным употребление именно этого определения запрещенных законодательством форм рекламирования) способствуют недобросовестной конкуренции, вводя в заблуждение потребителей, предоставляя конкурентные преимущества определенным товарам и услугам – зачастую за счет обмана или сокрытия существенной информации.

* © Клецкая М.О.

Первым нормативным документом, регулирующим рекламную деятельность в России, стал Закон РСФСР от 22 марта 1991 года «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках». В соответствии со ст. 10 этого Закона на каждого участника рекламного рынка была возложена ответственность за последствия недобросовестной конкуренции, в частности за распространение ложных сведений, способных причинить убытки другому хозяйствующему субъекту; введение потребителей в заблуждение относительно свойств, качества и количества товара или его изготовителей; некорректное сравнение хозяйствующим субъектом производимых или реализуемых им товаров с товарами других хозяйствующих субъектов.

Правила подачи потребителю информации о товарах, работах, услугах и меры ответственности за нарушение прав на получение информации были отражены еще более конкретно в Законе РФ от 7 февраля 1992 года «О защите прав потребителей».

Претерпев около десяти редакций, Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» просуществовал до 2006 года, заложив основы антимонопольного законодательства в России. Он позволил сформировать современные рыночные институты, способные в том числе осуществлять ограничительную практику в отношении органов власти, нарушающих законодательство. Положения, заложенные в основу этого Закона, используются и по сей день. Речь идет о запретах на злоупотребление доминирующим положением и антиконкурентные соглашения и согласованные действия.

Необходимо признать, что впервые даже для европейского законодательства в нормативном акте был закреплен запрет на антиконкурентные действия органов власти, а также антиконкурентные соглашения органов власти друг с другом и с хозяйствующими субъектами.

Примерно в то же время были определены функции и полномочия Федерального антимонопольного органа по контролю рекламной деятельности: вначале Законом РФ от 18 июля 1995 года № 108-ФЗ «О рекламе», затем подтверждены и расширены действующим Федеральным законом от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ «О рекламе» (в ред. на 7 мая 2009 года, далее – Закон о рекламе). Антимонопольный орган (с 2004 года ФАС РФ) в пределах своих полномочий возбуждает и рассматривает дела по признакам нарушения законодательства Российской Федерации о рекламе, принимает по результатам рассмотрения таких дел решения и выдает предписания, предусмотренные действующим законодательством.

Строго говоря, практика возбуждения дел по признакам нарушения ст. 16 ФЗ «О защите конкуренции» (антиконкурентные действия) и нарушений в сфере рекламы существовала уже с начала 90-х годов минувшего века, однако только сейчас наметился реальный отход от правового нигилизма хозяйствующих субъектов и органов власти, вынужденных под напором более жестких мер антимонопольного законодательства признавать свою вину и отвечать за нарушения закона.

Успешная борьба с противоправными действиями, в том числе и госструктур, воспитывает в обществе уважение к закону, а значит, утверждают в ФАС РФ, со временем это «...приведет к росту числа хозяйствующих субъектов, считающих, что снижается число фактов недобросовестной конкуренции, распространения ложных, неточных или искаженных сведений, введения потре-

бителей в заблуждение относительно качества и других характеристик товара, некорректного сравнения товаров при рекламе, продаже, обмене или ином введении в оборот товара с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности, получения, использования, разглашения информации, составляющей коммерческую, служебную и иную охраняемую законом тайну» [9].

Согласно п. 9 ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О конкуренции» (ред. на 18 июля 2009 года) недобросовестная конкуренция – это любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые противоречат требованиям добропорядочности, разумности и справедливости. Добропорядочность в данном случае – это синоним законопослушности, что противоположно правовому нигилизму.

Не могут рассматриваться в качестве добропорядочных действия, противоречащие законодательству или обычаям делового оборота. При этом, согласно ст. 5 ГК РФ, обычаям делового оборота признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе. Именно на соблюдении обычаев делового оборота строится и признанная в мировом сообществе система саморегулирования в рекламной деятельности.

Сегодня факт признания действий хозяйствующего субъекта недобропорядочными, неразумными или несправедливыми по отношению к другим субъектам на рынке устанавливает Комиссия ФАС РФ по рассмотрению дел о нарушении антимонопольного законодательства, решение которой может быть обжаловано в судебном порядке.

Федеральная антимонопольная служба создана в соответствии с Указом Президента РФ от 9 марта 2004 года № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» в ред. на 22 июня 2009 года (см. также Положение о Федеральной антимонопольной службе, утвержденное постановлением Правительства РФ от 30 июня 2004 года № 331 (ред. на 29 декабря 2008 года). Ей переданы полномочия бывшего Министерства по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства.

В мировой практике уже давно существуют подобные институты. К примеру, в США есть два ведомства, которые занимаются контролем соблюдения подобных требований антимонопольного законодательства – антимонопольный департамент Министерства юстиции и Федеральная торговая комиссия. При этом в США разработана четкая система применения уголовного права в случаях нарушения антимонопольного законодательства. К мировым стандартам постепенно приближается и ФАС России.

Государственный контроль рекламной деятельности в России основан на нескольких законодательных актах, в том числе законах РФ «О защите прав потребителей», «О средствах массовой информации», «О банках и банковской деятельности», «О лицензировании отдельных видов деятельности» и других. Главный в этом перечне – Закон о рекламе. В соответствии с его положениями не допускаются недобросовестные действия, в частности в виде недостоверной рекламы (ч. 1-4 ст. 5), содержащей не соответствующие действительности сведения о преимуществах рекламируемого товара перед находящимися в обороте товарами, которые произведены другими изготовителями или реализуются другими продавцами.

При производстве, размещении и распространении рекламы (ч. 11 ст. 5) должны соблюдаться требования законодательства Российской Федерации, в том числе требования гражданского законодательства, законодательства о государственном языке Российской Федерации.

Реклама не должна побуждать к совершению противоправных действий; призывать к насилию и жестокости; иметь сходство с дорожными знаками или иным образом угрожать безопасности движения автомобильного, железнодорожного, водного, воздушного транспорта; формировать негативное отношение к лицам, не пользующимся рекламируемыми товарами, или осуждать таких лиц (п. 1-4 ч. 4 ст. 5 Закона).

В соответствии с ч. 6 ст. 5 Закона в рекламе не допускается использование бранных слов, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений, в том числе в отношении пола, расы, национальности, профессии, социальной категории, возраста, языка человека и гражданина, официальных государственных символов (флагов, гербов, гимнов), религиозных символов, объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, а также объектов культурного наследия, включенных в Список всемирного наследия.

Регламентируя область рекламной деятельности, закон формализует задачи сохранения общечеловеческих ценностей, изменяя в соответствии с ростом уровня самосознания в обществе отдельные свои нормы и определения.

Так, действующим законодательством полностью запрещается в рекламе демонстрация процессов курения и потребления алкогольной продукции. Строго ограничена реклама пива на телевидении.

Закон в ст. 6 оговаривает правила защиты несовершеннолетних в рекламе от злоупотреблений их доверием и недостатком опыта. По общему правилу, в рекламе не допускается показ несовершеннолетних в опасных ситуациях, дискредитация родителей и старших по возрасту несовершеннолетних; создание у несовершеннолетних непреодолимого стремления к обладанию, чрезмерной переоценке достоинств рекламируемого товара.

Антимонопольные органы, контролирующие сегодня рекламный рынок в стране, имеют реальные инструменты влияния на правопорядок в виде предписаний и наложения штрафов, которые позволяют бороться с ненадлежащей рекламой, привлекая виновных лиц к административной ответственности. В соответствии с пп. 2,5 и 6 ч. 2 ст. 33 Закона о рекламе, антимонопольный орган вправе «выдавать федеральным органам исполнительной власти, органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органам местного самоуправления обязательные для исполнения предписания об отмене или изменении актов, изданных ими и противоречащих законодательству Российской Федерации о рекламе, а также обращаться в арбитражный суд с заявлениями о признании недействительными или недействующими полностью или в части противоречащих законодательству Российской Федерации о рекламе нормативных и ненормативных актов федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления» [10].

В результате активных действий по защите закона количество возбужденных ФАС РФ в 2008 году дел по признакам нарушения Закона о рекламе составило 3730 случаев (в 2007 – 3301). В общем объеме поданных исков в отношении исполнения антимонопольного законодательства (6540) 2978 были

направлены органам власти (в 2007 году их число составило 1881), причем за год снизилось количество отмененных судом решений антимонопольных органов в отношении органов власти с 28% до 23,5%, что говорит о росте авторитета Федеральной антимонопольной службы и ее региональных управлений. И если в 2007 году количество отмененных судами решений антимонопольных органов превосходило признанные правомерными, то итоги 2008 года опять же доказывают – теперь суд чаще соглашается с решениями ФАС России и в отношении органов власти (в 2007 году таких случаев было 28%, а в 2008 – 23,5%). Увеличилась также доля территориальных органов, применяющих меры административной ответственности по ст. 14.31 КоАП РФ: с 65% в 2007 году до 82% в 2008 году и по ст. 14.32 КоАП РФ – с 8% до 51%, то есть в шесть с лишним раз [11].

Динамику основных показателей работы ФАС России отражает отношение количества исполненных в полном объеме органами государственной власти и местного самоуправления предписаний в части прекращения нарушения антимонопольного законодательства к количеству выданных предписаний. В 2008 году оно составило 86,4%. В частности, отношение количества исполненных в полном объеме предписаний к количеству выданных по признакам ненадлежащей рекламы также говорит в пользу антимонопольного ведомства (по факту в 2008 году – 98%, в 2007 – 95,2%, план 2009-го – 94%) [12].

Преобладающая часть исков к властным структурам – дела о нарушениях при размещении наружной рекламы. Новая редакция положений Закона о рекламе, связанных с установкой наружных конструкций, зачастую перекрывавших и загромаждавших центральные и исторические части территорий городов, повлекли за собой необходимость изменения административными органами власти отдельных законодательных актов и распоряжений.

Таким образом, определенная степень правового нигилизма содержится и в действиях рекламодателей и рекламопроизводителей по распространению неправомерной рекламы при соучастии властных структур.

Как справедливо отмечает Л.А. Петручак, «...к сожалению, правовой нигилизм приобрел массовый характер, широко распространяясь не только среди граждан, но и среди должностных лиц в официальных государственных структурах. Время настоятельно требует более глубокого осмысления причин правового нигилизма, выработки механизмов и средств борьбы с этим явлением» [13, 17].

В этой связи что может быть более действенным, чем демонстрация решительных шагов государства по пресечению нарушений законодательства как со стороны участников – хозяйствующих субъектов, так и со стороны госслужб, муниципальных ведомств, то есть самих органов власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гулина О.Р. Исторические корни и особенности правового нигилизма в современной России: Автореферат дисс... к.ю.н. – Уфа, 2002.
2. Рябцев Р.А. Современная правовая реформа в России и правосознание: Дисс. на соиск... к.ю.н. – Р-н/Дону, 2005.
3. Сенин И.Н., Кожевников В.В. Правовой нигилизм как социальное явление: Монография. – Омск, 2005.
4. Гойман В. Правовой нигилизм: пути преодоления // Советская юстиция. – 1990. № 9.
5. Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001.
6. Саидов А.Х., В.А. Туманов. Сравнительное правоведение. Основные правовые системы современности.

- Издание 2-е. – М: Юристъ, 2007 г.
7. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» // Собрание законодательства РФ, 2006, N 12, – Ст. 1232.
 8. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. №135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ, – 2006. № 31.
 9. Федеральная антимонопольная служба РФ. Итоги 2008 года и задачи на 2009 год // www.fas.gov.ru
 10. Часть 2 ст. 33 Закона РФ № 38-ФЗ «О рекламе» // Собрание законодательства РФ. – 2006. N 12. – Ст. 1232.
 11. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной антимонопольной службы на 2008-2010 годы // <http://fas.gov.ru/dron/12390.shtml>
 12. Доклад руководителя ФАС России И.Ю. Артемьева “Об итогах работы ФАС России в 2008 году и задачах на 2009 год” на расширенном заседании коллегии ФАС России 3 марта 2009 г.) // habarovsk.fas.gov.ru/page.php?id=253
 13. Петручак Л.А. Причины правового нигилизма в современной России. «Актуальные проблемы российского права». –2009. № 4.

М. Kletckaya

STATE ANTIMONOPOLY CONTROL IN ADVERTISING: WAYS OF OVERCOMING THE LEGAL NIHILISM

Abstract. In the legal literature the term «legal nihilism» characterises negation of right as social value and thereof a negative attitude to current legal system and the legislation. Today this problem is on the agenda in Russia.

Key words: legal nihilism, the state antimonopoly control, advertising, competition.

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ, БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343.8

Кузьмин С.И., Якушина Е.С.

УГОЛОВНАЯ И ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы особенностей изменения уголовной и исправительно-трудовой политики СССР в отношении несовершеннолетних правонарушителей в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: уголовная политика, исправительно-трудовая политика, несовершеннолетний, несовершеннолетний правонарушитель, лишение свободы, профессиональная подготовка, трудовые воспитательные колонии, беспризорность, безнадзорность, учебно-воспитательная работа.

Конец 30-х годов 20 века в развитии Советского государства непосредственно связан с началом Второй мировой войны, что заставило руководство страны принимать меры уголовно – правового характера в целях укрепления обороноспособности страны. Об этом свидетельствуют: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» [1], предусматривавший тюремное заключение на срок от 2 до 4 месяцев для рабочих и служащих, самовольно ушедших из государственных, кооперативных и общественных предприятий или учреждений; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 года «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство», предусматривающий применение к правонарушителям санкцию в виде тюремного заключения сроком на один год [2]. Действие этих указов распространялось также на несовершеннолетних, занятых в сфере общественного производства, в том числе на отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы.

Вместе с тем в конце 1940 года были приняты специальные указы в отношении несовершеннолетних. В частности, указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря ввел уголовную ответственность несовершеннолетних за действия, могущие вызвать крушение поездов [3]. Несовершеннолетние, начиная с двенадцатилетнего возраста, уличенные в совершении действий (развинчивании рельсов, подкладывании различных предметов и т.п.), могущих вызвать крушение поездов, подлежали привлечению к судебной ответственности с применением всех мер уголовного наказания. Формулировка в указе «с при-

* © Кузьмин С.И., Якушина Е.С.

менением всех мер уголовного наказания» и возраст наступления уголовной ответственности явно не соответствовали характеру преступного деяния, поэтому, несколько позднее, Указом ПВС СССР «Об уголовной ответственности несовершеннолетних за преступления, не предусмотренные в Постановлении ЦИК и Совнаркома СССР от 7 апреля 1935 года «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1940 г. «Об уголовной ответственности несовершеннолетних за действия, могущие вызвать крушение поездов» предусматривалось привлекать несовершеннолетних к уголовной ответственности, начиная с 14-летнего возраста. Еще одним указом ПВС СССР вводилась ответственность учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и самовольный уход из училища (школы).

Принятию этого указа предшествовало заседание Политбюро ЦК ВКП (б) от 26 сентября 1940 года, где рассматривался вопрос о фабрично-заводских училищах и трудовых резервов. Согласно дневниковым записям заместителя председателя СНК СССР В.А. Малышева, в ходе обсуждения вопроса И.В. Сталин посетовал на то, что в школах ФЗО люди обучаются на добровольных началах и предложил принять решение о проведении ежегодной мобилизации молодежи в ремесленные и фабрично-заводские училища. Учащиеся ремесленных училищ содержались за счет государства (питание, обмундирование) и в последующем должны были отработать 4 года по распределению на производстве. Составители сборника «История сталинского ГУЛАГА. Конец 20-х – первая половина 50-х годов: собрание документов в 7 томах/Т.2 Карательная система: структура и кадры», на стр. 628 обвиняют Сталина в демагогии, а также в том, что он подвел политический фундамент в основу предлагаемых мер, сказав: «Мы не можем быть безучастны к тому, кто идет в рабочий класс. Если это пойдет самотеком, то может испортиться состав рабочего класса, а следовательно, может испортиться и власть, как диктатура рабочего класса... Нельзя предоставлять воле стихии формирование рабочего класса». Таким образом, утверждал Сталин, помимо возможности планировать использование в промышленности рабочей силы, эта мера «дает нам в руки возможность управлять составом рабочего класса, вносить постоянство в состав рабочего класса» и закончил свое выступление твердым вердиктом: «Единственная мера – это мобилизовать» [4]. На наш взгляд, Сталин был прав. В современном российском государстве фактически нет рабочего класса. Власть стремится опираться на средний класс – предпринимателей, которые в своем большинстве не производят материальных ценностей, а между тем промышленное производство испытывает острую нужду в квалифицированной рабочей силе, но ее нет и подготовка практически не ведется.

В условиях начавшейся Второй мировой войны бурно развивавшаяся в стране военная промышленность и отрасли, ее обеспечивающие, нуждались не просто в рабочей силе, а в квалифицированной. Поэтому ее подготовка не могла быть поставлена на самотек. К тому же именно рабочий класс являлся опорой государственного аппарата. Поэтому в тех условиях нежелание подростков учиться в ремесленных и фабрично-заводских училищах, так же как самовольный уход рабочих и служащих с предприятий, ослабляли обороноспособность страны и заставляли принимать меры уголовно-правового характера, так как возможности материального стимулирования были крайне ограничены.

Спустя неделю, 2 октября 1940 г. Президиум Верховного Совета СССР

принял Указ «О государственных трудовых резервах СССР». В нем отмечалось, что задача дальнейшего развития промышленности требует постоянного притока новой рабочей силы на шахты, рудники, транспорт, фабрики и заводы, так как без непрерывного пополнения состава рабочего класса невозможно успешное развитие промышленности СССР. Отсюда перед государством стоит задача организованной подготовки новых рабочих из городской и колхозной молодежи и создания необходимых трудовых резервов в промышленности.

В целях создания государственных трудовых резервов для промышленности Президиум Верховного Совета Союза СССР посчитал необходимым подготавливать из числа городской и колхозной молодежи в ремесленных училищах, железнодорожных училищах и школах фабрично-заводского обучения от 800 тысяч до 1 миллиона человек. Ремесленные училища с двухгодичным сроком обучения предназначались для подготовки квалифицированных рабочих: металлистов, металлургов, химиков, горняков, нефтяников и рабочих других сложных профессий, а также квалифицированных рабочих для морского и речного транспорта и предприятий связи.

Предусматривалась специальная двухгодичная подготовка рабочих для железнодорожного транспорта – помощников машинистов, слесарей по ремонту паровозов и вагонов, котельщиков, бригадиров по ремонту и других рабочих сложных профессий.

Что касается подготовки рабочих массовых профессий, в первую очередь для угольной промышленности, горнорудной, металлургической, нефтяной и для строительного дела, то для них устанавливали шестимесячный срок обучения в школах фабрично-заводского обучения.

В Указе особо оговаривалось, что эти государственные резервы рабочей силы находятся в непосредственном распоряжении Совета народных комиссаров Союза ССР и не могут использоваться наркоматом без разрешения правительства.

Совнаркому Союза ССР предоставлялось право ежегодно призывать (мобилизовывать) от 800 до 1 миллиона городской и колхозной молодежи в возрасте 14-15 лет для обучения в ремесленных и железнодорожных училищах и в возрасте 16-17 лет – для обучения в школах фабрично-заводского обучения.

Думается, что для самих учащихся и их родителей не менее важное значение имело то, что учащиеся обучались бесплатно и находились на полном государственном обеспечении (проживание, одежда, питание, стипендия).

Термин «призыв», или иначе, «мобилизация» обязывал председателей колхозов ежегодно выделять в порядке призыва по два человека молодежи мужского пола в возрасте 14-15 лет в ремесленные и железнодорожные училища и 16-17 лет в школы фабрично-заводского обучения на каждые 100 человек колхозников, считая мужчин и женщин в возрасте от 14 до 55 лет. Для городов квоту непосредственно определял Совнарком Союза ССР.

Все окончившие указанные учебные заведения считались мобилизованными и были обязаны отработать 4 года на предприятии по указанию Главного управления трудовыми резервами при Совнарком СССР и до истечения этого срока пользовались отсрочкой от призыва в Красную Армию и Военно-морской флот [5].

О первых итогах применения Указа ПВС СССР от 28 декабря 1940 г. свидетельствует докладная записка прокурора по делам несовершеннолетних прокуратуры СССР В.Ш. Тадевосяна от 8 мая 1941 года в адрес прокурора СССР

В.М. Бочкова. В ней указывалось, что с момента издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г. передано суду 4206 учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение Указа. Из них за самовольный уход из училищ (школ) – 3028 человек и 1178 человек – за систематическое и грубое нарушение школьной дисциплины. Из этого числа судебными органами (по неполным данным НКЮ СССР) за три месяца – январь, февраль, март было осуждено 2177 и оправдано 76 человек. В трудовые колонии на срок до 6 месяцев направлены 724 человека и свыше 6 месяцев – 1407 человек.

Резкое снижение числа привлеченных в марте – 965 человек по сравнению с февралем – 1525 человек он объяснял изданием приказов Главным управлением трудовых резервов при СНК СССР о недопустимости огульного исключения из училищ и школ нарушителей дисциплины.

По мнению автора докладной записки, причины снижения числа привлеченных усматриваются в следующем:

во-первых, на местах, возможно, искусственно снижается количество нарушений Указа, так как некоторые директора училищ и школ не направляют в органы прокуратуры материалы о самовольном уходе или систематическом нарушении школьной дисциплины;

во-вторых, в ряде мест нет надлежащего учета посещаемости школ, а поэтому директора сами несвоевременно узнают о самовольном уходе учащихся из школы;

в-третьих, материалы с задержкой передаются в органы прокуратуры, поскольку согласно приказам Главного управления трудовых резервов директора училищ и школ не имеют права исключать учащихся из училищ (школ).

Для выправления положения дел к докладной записке прилагался проект письма в адрес Главного управления трудовых резервов о принятии необходимых мер с целью недопущения впредь подобных фактов [6].

О стремлении руководства страны навести порядок и дисциплину с помощью уголовно-правовых мер свидетельствует Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за самовольный проезд в товарных поездах и за самовольную без надобности остановку поезда стоп-краном» от 9 апреля 1941 года [7]. За самовольный проезд виновный карался тюремным заключением сроком на один год. Самовольная без надобности остановка поезда стоп-краном каралась тюремным заключением на срок от одного года до трех лет, если это действие по своему характеру не влекло за собой более тяжкое наказание.

Накануне войны определенную озабоченность у сотрудников правоохранительных органов вызывали факты контрреволюционных преступлений со стороны малолетних и несовершеннолетних, совершенных ими без подстрекательства. В действовавшем законодательстве не имелось четкого указания в отношении того, какой нормой закона в этом случае следовало бы руководствоваться. За разъяснением по данному вопросу прокурор Житомирской области Ганотченко обращался к прокурору УССР [8], но, не получив ответа, обратился за разъяснением к прокурору СССР В.М. Бочкову, который в июле 1941 г. направил разъяснение прокурору житомирской области Ганотченко и прокурору УССР Яченину. В нем сообщалось, что за контрреволюционные преступления несовершеннолетние могут быть преданы суду лишь в том случае, если в момент совершения преступления они достигли 14 лет (Указ Президиу-

ма Верховного Совета СССР от 31 мая 1941 г.) [9]. Если же контрреволюционные действия были совершены детьми моложе 14 лет (причем не установлено подстрекательство с чьей-либо стороны), то в отношении таких детей следовало бы применять меры воспитательного характера через органы наркомпросов – вплоть до помещения их соответствующие детские дома, а в некоторых случаях, требующих изоляции таких детей, заключение в трудовую колонию по постановлению Особого совещания при НКВД СССР [10].

Как видим, в разъяснении прокурор СССР сослался на Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности несовершеннолетних» от 31 мая 1941 года. Этим Указом устанавливалось, что за преступления, не предусмотренные в Постановлении ЦИК и Совнаркома СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних за действия, могущие вызвать крушение поездов» и Указе Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1941 года «Об уголовной ответственности несовершеннолетних» несовершеннолетние привлекаются к уголовной ответственности, начиная с 14-летнего возраста. Вместе с тем из разъяснения следовало, что дети моложе 14 лет с санкции Особого совещания при НКВД СССР могли направляться в детские трудовые колонии.

В условиях войны особую опасность представляли такие преступления, как измена Родине, шпионаж, диверсии, террористические акты, в совершение которых взрослые преступники вовлекали несовершеннолетних. В связи с этим в конце 1941 г. был подготовлен Указ Президиума Верховного Совета СССР о применении высшей меры наказания к несовершеннолетним, виновным в измене Родине, шпионаже, диверсии и террористических актах. По поручению заместителя председателя СНК СССР А.Л. Вышинского с проектом Указа ознакомился и.о. прокурора СССР Г.Н. Сафонов. В своей докладной записке в адрес А.Л. Вышинского от 22 декабря 1941 г. он в основном с проектом согласился. Однако, по его мнению, высшая мера наказания могла применяться только в отношении лиц, достигших 16-летнего возраста [11].

Перемещение значительных масс населения на начальном этапе войны, боевые действия, бомбардировка вражеской авиацией городов и поселков породило проблему сирот и детей, потерявших родителей, что могло повлечь за собой рост детской преступности. В связи с этим СНК СССР 23 января 1942 г. принял специальное постановление «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». Постановление возложило на республики, автономные области, исполкомы краевых, областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся обеспечить устройство таких детей, не допуская безнадзорности среди детей. С этой целью при исполкомах создавались комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей. НКВД СССР обязывался обеспечить выявление всех безнадзорных в возрасте до 15 лет включительно и размещение в приемниках-распределителях, сеть которых следовало увеличить. Срок пребывания в них не должен был превышать двух недель. Дети, невостребованные родителями, в возрасте до 3-х лет через местные органы здравоохранения подлежали немедленному направлению в детские учреждения и на патронирование, до 14 лет – в соответствующие детские учреждения, а старше 14 лет – по разверстке наркомпросов республик подлежали трудоустройству на предприятиях или в сельском хозяйстве.

Постановление СНК СССР разрешало Главному управлению трудовых резервов производить набор детей из детских домов и оставшихся без родителей

от 14 лет и старше для обучения в школах ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищах, так как народное хозяйство страны испытывало острую проблему в квалифицированных кадрах. В качестве вынужденной меры, для замещения ушедших на фронт мужчин, воспитанники детских домов старше 14 лет, если они не поступили в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища, направлялись на работу в промышленность или сельское хозяйство [12].

В Постановлении устанавливался возраст (от 11 до 16 лет) подлежащих направлению в детские трудовые воспитательные колонии НКВД СССР, и четко были обозначены группы несовершеннолетних, на которые распространялось действие постановления:

1. беспризорные дети, не имеющие родителей вовсе или длительное время живущие без родителей и не имеющих определенного места жительства;

2. задержанные за хулиганство, мелкие кражи и другие незначительные преступления, возбуждение уголовного преследования против которых будет признано нецелесообразным;

3. воспитанники детских домов, систематически нарушающие внутренний распорядок и дезорганизирующие нормальную постановку учебы и воспитания в детском доме.

Постановлением Наркомюст СССР обязывался дать указание судам об усилении борьбы с хулиганством и преступностью несовершеннолетних и обеспечить своевременное рассмотрение дел в судах. Главное управление трудовых резервов при Совнаркоме СССР обязывалось передать НКВД часть ремесленных училищ, годных для организации трудовых воспитательных колоний, вместе с их оборудованием.

Наркомздрав, Госплан, НКВД, Наркомфин СССР, председатели Совнаркомов союзных и автономных республик и председатели краевых и областных советов депутатов трудящихся обязывались реализовать ряд конкретных мер, призванных обеспечить выполнение постановления [13].

Выполняя Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР, НКВД СССР, Наркомюст СССР и Прокуратура СССР в течение недели подготовили совместную Инструкцию № 326/52/45 «О порядке направления и сроке содержания несовершеннолетних в трудовых воспитательных колониях НКВД СССР» от 21 июня 1943 года.

В соответствии с Постановлением правительства от 15 июня 1943 г. № 659 в трудовые воспитательные колонии подлежали направлению несовершеннолетние в возрасте от 11 до 16 лет. На органы НКВД СССР инструкция возлагала обязанность задерживать и доставлять беспризорников, определять возможность направления к родителям или опекуну, в детский дом, ремесленные училища, школу ФЗО или на трудоустройство.

На каждого беспризорного, подлежащего направлению в трудовую воспитательную колонию, начальник приемника-распределителя обязывался составить заключение на основе имеющихся о несовершеннолетнем материалов (справка о приводах в милицию, побегов из детских домов или с места жительства, сведения о родных, протокол задержания, определение судебных органов и т.д.). Заключение направлялось на утверждение начальника УКНВД или наркома внутренних дел автономной республики. В случае наличия родителей или опекуна у беспризорного несовершеннолетнего направить в трудовую воспитательную колонию могли только с их согласия. При невозможности их

вызвать или нецелесообразности передачи родителям, несовершеннолетний направлялся в колонию. При направлении в трудовую воспитательную колонию существовали ограничения. В соответствии с нормой ст. 4 Инструкции несовершеннолетние душевные и заразно больные и инвалиды направлялись в детские дома Наркомздрава или Наркомюста.

В случае если судебные или следственные органы посчитают нецелесообразным привлечь несовершеннолетнего к уголовной ответственности за незначительные преступления (пункт «б» ст. 2 Постановления СНК СССР от 15 июня 1943 г.) и вынесут определение (постановление) о прекращении уголовного преследования уголовное дело не возбуждается. При этом они одновременно могли выносить и определение (постановление) о передаче несовершеннолетнего на попечение родителей или опекуна, если это возможно и целесообразно, или о направлении его в трудовую воспитательную колонию НКВД.

Несовершеннолетние, задержанные за мелкое хулиганство, мелкие кражи и другие преступления направлялись в трудовые воспитательные колонии НКВД через приемники-распределители. Основанием для этого в соответствии с нормой ст. 6 Инструкции служили: определение судебных органов, постановление следственных органов, согласованное с прокурором, заключение органов милиции, утвержденное начальником УНКВД или наркомом внутренних дел и согласованное с прокурором.

В трудовые воспитательные колонии допускался перевод несовершеннолетних из детских домов, в отношении которых требовался особый режим. В этом случае требовалось совместное решение руководителей НКВД и Наркомата просвещения.

Особым разделом Инструкции регулировались сроки содержания в трудовой воспитательной колонии. Предельный срок содержания устанавливался до 16-летнего возраста. В виде исключения, по отношению к отдельным воспитанникам, достигшим 16 лет, но нуждавшимся в получении определенной квалификации, срок содержания в колонии мог продлеваться до 17 лет (ст. 14 Инструкции). Вопрос о продлении в каждом конкретном случае решался на родным комиссаром внутренних дел или начальником УНКВД.

В то же время допускалось досрочное освобождение ранее достижения 16-летнего возраста. Это было возможно в том случае, если воспитанник получил определенную трудовую квалификацию, позволяющую жить самостоятельно. В этом случае начальник колонии обладал правом освободить несовершеннолетнего с обязательным трудоустройством на предприятиях промышленности, транспорта или в сельском хозяйстве, если нет возможности передать родителям.

Инструкция (ст. 16) содержала норму, запрещавшую выпускать из трудовых воспитательных колоний воспитанников, не достигших 14-летнего возраста. И только в виде исключения, когда воспитанника хотят взять для дальнейшего воспитания его родители, опекун или прямые родственники, воспитанник мог быть выпущен.

На трудовые воспитательные колонии НКВД возлагалась обязанность периодически проверять материально-бытовые условия выпущенных воспитанников и, при необходимости, через местные органы власти оказывать им необходимую помощь.

В части внутреннего распорядка в трудовых воспитательных колониях и постановки учебно-воспитательной работы Инструкция (ст. 18) отсылала к По-

ложению о трудовых воспитательных колониях НКВД [14].

Даже в суровых условиях войны детская беспризорность и безнадзорность, преступность вызывали серьезную озабоченность у руководства страны. Со всей очевидностью об этом свидетельствует тот факт, что под Постановлением СНК СССР № 659 «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» от 15 июня 1943 г. стоит подпись И.В. Сталина. Как усматривается, Постановление должно было способствовать предотвращению преступлений со стороны подростков, склонных к этому, а также со стороны беспризорных и безнадзорных. Фактически реанимировался опыт, накопленный в 30-х годах в борьбе с этим явлением. Отсюда мы видим предоставление НКВД СССР права в дополнение к трудовым колониям, существующим для содержания детей и подростков, осужденных судами, организовать в 1943 г. трудовые воспитательные колонии для содержания в них беспризорных и безнадзорных детей, а также детей и подростков, неоднократно замеченных в мелком хулиганстве и других незначительных преступлениях, доведя в 1943 г. общее число мест НКВД СССР для несовершеннолетних до 50 000 человек.

В последующем были внесены некоторые уточнения в порядок направления несовершеннолетних на учебу и на предприятия. Об этом свидетельствует Приказ комитета по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР и НКВД СССР № 95/591 от 13 сентября 1943 г. «О направлении в ремесленные, железнодорожные училища школы ФЗО и промышленные предприятия подростков старше 14 лет из колоний для несовершеннолетних и детских приемников-распределителей НКВД» [15]. Этот ведомственный нормативный акт обязывал НКВД союзных и автономных республик, управление НКВД краев и областей направлять в ремесленные, железнодорожные училища, школы ФЗО и на промышленные предприятия подростков старше 14 лет по окончании срока пребывания в трудовых колониях, а также в трудовых воспитательных колониях и детских приемниках-распределителях по разверстке областных, краевых и республиканских бюро по учету и распределению рабочей силы. Направляемые на учебу или работу обеспечивались верхней одеждой, обувью и двумя сменами белья. Если подросток направлялся из колонии, то за их счет, а из приемников-распределителей – за счет совнаркомов республик и исполкомов Советов депутатов трудящихся. Пункт «б» статьи 2 Инструкции содержал указания о том, что подростки должны направляться в первую очередь в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО. Такой подход свидетельствовал о том, что государство было заинтересовано не просто в рабочей силе, а в квалифицированных кадрах, необходимых для усложняющихся производственных процессов.

Несмотря на реализованный комплекс организационно-правовых мер в отношении несовершеннолетних, недостатки в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью продолжали иметь место, что и побудило СНК СССР 16 января 1944 г. принять Постановление № 56, обязавшее органы прокуратуры активизировать работу в этом направлении. В целях реализации требований Постановления Генеральный прокурор СССР издал приказ № 58 «Об организации группы по делам несовершеннолетних при прокуратуре Союза ССР» от 25 января 1944 г. На группу по делам несовершеннолетних при Прокуратуре Союза ССР возлагались следующие обязанности:

- надзор за исполнением законов о борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью и преступностью;

- общее руководство расследованием преступлений, совершенных несовершеннолетними и осуществление надзора за расследованием, производимым органами милиции;

- надзор за законностью судебных приговоров по делам о несовершеннолетних;

- надзор за местами заключения несовершеннолетних.

Прокуроры союзных, автономных республик, краев и областей обязывались непосредственно подчинить себе специально выделенных прокуроров, возложив на них решение обозначенных задач [16].

Практическая реализация принятых в 1942-1943 гг. Постановлений СНК СССР, направленных на борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью и преступностью несовершеннолетних, сдерживалась недостаточной лимитной емкостью детских трудовых воспитательных колоний, что побудило СНК СССР принять специальное Постановление №827 от 6 июня 1944 г. «Об увеличении количества детей в детских трудовых воспитательных колониях НКВД СССР и о материальном обеспечении детских приемников-распределителей и трудовых воспитательных колоний». Этим Постановлением НКВД СССР разрешалось организовать в 1944 г. детские трудовые воспитательные колонии на 10000 человек, с распределением по республикам, краям и областям. К реализации Постановления привлекались государственные органы и наркоматы.

На совнаркомы союзных и автономных республик, краевые и областные исполкомы Постановление возлагало обязанность предоставить под устройство колоний соответствующие помещения, выделить земельные участки для подсобных хозяйств и оборудование для организации производства. Ряд наркоматов обязывались предоставить материалы, необходимые для развертывания колоний.

Наркомвнешторг обязывался из импортных поступлений поставить НКВД СССР непосредственно для трудовых воспитательных колоний 200 единиц станочного оборудования, а также 15 передвижных дизельных электростанций, мощностью 50-75 квт., а Наркомсредмаш – 30 грузовых автомобилей ГАЗ – АА.

В 1945 г. усиливается внимание органов прокуратуры к вопросу детской беспризорности и безнадзорности, борьбы с детской преступностью. На решение этой задачи акцентировали внимание Инструкция прокуратуры СССР № 1-Т-13 «О работе прокуроров по делам несовершеннолетних» от 10 января 1945 года [17]. Основной задачей прокуроров по делам несовершеннолетних, указывалось в инструкции, является борьба с детской преступностью, осуществление надзора за исполнением закона от 7 апреля 1935 г. и Указа от 31 мая 1941 г. «Об уголовной ответственности несовершеннолетних».

Между тем борьба с детской преступностью не могла быть успешной при отсутствии систематической работы, направленной на ликвидацию детской безнадзорности и беспризорности, которая велась на основании Постановлений СНК СССР и ЦК ВКР (б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской безнадзорности и беспризорности», постановлений СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» и от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской безнадзорностью и беспризорностью и хулиганством».

Не вдаваясь в детали Инструкции, остановимся только на проверке трудовых воспитательных колоний, проводимой не реже один раз в месяц. Эта

проверка должна выявлять и устранять факты нарушения Постановления СНК СССР от 15 июня 1943 г. и Инструкции от 21 июня 1943 г. Инструкция (п.8) четко установила круг вопросов, обязательных при проверке: правильно ли дети приняты для содержания, нет ли среди них осужденных (кроме лиц, осужденных за нарушение Указа от 20 декабря 1940 г.); имеются ли на всех детей и подростков законно оформленные материалы; соблюдается ли лимит, установленный для колонии, режим и дисциплина труда и быта воспитанников, законы о труде подростков, получают ли они трудовую квалификацию; как ведется борьба с побегами, борьба с хищениями, обмериванием и обвешиванием; каковы материально-бытовые и санитарные условия содержания воспитанников; борьба с заболеванием и смертностью детей; нет ли нарушений инструкции от 21 июня 1943 г. при выпуске воспитанников из колоний (не выпускаются ли они без трудовой квалификации).

Об установленных нарушениях должен составляться акт; нарушения подлежали немедленному устранению. В случае серьезных нарушений копию акта с предложением о привлечении к уголовной ответственности следовало направлять в соответствующие руководящие и контрольные органы, а также вышестоящему прокурору.

Думается, что предстоящая в 1947 году репатриация на родину военнопленных с территории нашей страны потребовала срочной подготовки квалифицированных кадров для их замены, так как многие были заняты в промышленности и на строительстве различных объектов. В связи с этим в марте 1947 г. на основании Постановления Совета Министров Союза ССР от 27 января 1947 г. проводился новый призыв в школы фабрично-заводского обучения. Этот призыв был распространен на детские приемники и трудовые воспитательные колонии в соответствии с телеграммой Министра внутренних дел С.Н. Круглова № 82 от 21 февраля 1947 г. в адрес министров внутренних дел республик, начальникам УМВД по краям и областям. В соответствии с телеграммой приемники-распределители обязывались передать в школы ФЗО всех подростков в возрасте 16-17 лет, соответствующих требованиям приема, независимо от имеющегося и них общего образования. Из детских трудовых воспитательных колоний подлежали передаче подростки в том же возрасте, не осужденные и не подлежащие дальнейшему содержанию в колониях [18].

Окончание войны вызвало необходимость переосмысления приоритетных направлений деятельности администрации мест лишения свободы. Задача профессиональной подготовки рабочих кадров из числа лишенных свободы и трудового использования контингента с повестки дня не снималась, но основное внимание следовало уделить улучшению материально-бытовых условий, укреплению режима содержания, улучшению воспитательной деятельности администрации. Именно с учетом этого определялся комплекс первоочередных мер, направленных на перестройку работы мест лишения свободы, в том числе предназначенных для содержания несовершеннолетних правонарушителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1940. № 28.
2. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1940. № 20.
3. Государственный Архив Российской Федерации. – Ф.7523. – Оп.4.Д.42. – Л.д.55.
4. Источник . – 1997. №5. – С.113-114.
5. ГАРФ. – Ф.7523. – Оп.4.Д.40. – Лл.32-34.
6. ГАРФ. – Ф.8131. – Оп.37.Д.249. – Лл.8-10.

7. ГАРФ. – Ф.7523. – Оп.4,Д.48. – Л.81.
8. ГАРФ. – Ф.8131. – Оп.37,Д.533. – Л.124.
9. ГАРФ. – Ф.8131. – Оп.37,Д.533. – Л.124
10. ГАРФ. – Ф.8131. – Оп.37,Д.533. – Л.123.
11. ГАРФ. – Ф.8131. – Оп.37,Д.539. – Л.22.
12. СП СНК СССР.1942.№2.
13. ГАРФ. – Ф.5446. – Оп.1,Д.215. – Лл.214-216.
14. ГАРФ. – Ф.9401. – Оп.12,Д.120.Т.1. – Лл.3-3 Об.
15. ГАРФ. – Ф.9401. – Оп.12,Д.120.Т.1. – Лл.3-3 Об.
16. ГАРФ. – Ф.7523. – Оп.108,Д.332. – Л.249.
17. ГАРФ. – Ф.7523. – Оп.108,Д.332. – Лл.250-254.
18. ГАРФ. – Ф.9406. – Оп.1 а,Д.250. – Лл.1-2.

S. Kuzmin, E. Jakushina

THE CRIMINAL AND CORRECTIVE-LABOUR POLICY CONCERNING MINOR OFFENDERS IN DAYS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. In given article questions of features of change of a criminal and corrective-labour policy of the USSR concerning minor offenders in days of the Great Patriotic War are considered.

Key words: the criminal policy, the corrective-labour policy, the minor, minor offender, imprisonment, vocational training, labour educational colonies, homelessness, neglect, teaching and educational work.

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН*

Аннотация. В данной статье предпринята попытка определить и обозначить пути решения основных вопросов, возникающих перед преподавателем в рамках преподавания криминалистических дисциплин.

Ключевые слова: инновационные технологии, криминалистика, методика расследования отдельных видов и групп преступлений, судебная экспертиза, мотивация, учебный курс, учебная дисциплина, технические средства обучения.

Наука криминалистика играет значительную роль в создании профессиональной базы подготовке студента-юриста. Специфический, теоретико-прикладной характер криминалистики как науки сказывается и на характере материала, включаемого в состав дисциплин криминалистического характера, таких, например, как собственно криминалистика, судебная экспертиза, методика расследования отдельных видов и групп преступлений, судебно-криминалистическая экспертиза, тактические особенности организации и проведения отдельных следственных действий.

Указанная специфика отражается не только в том, что студенты-юристы при изучении указанных дисциплин должны получить определенный программой набор научных теоретических познаний, но и опыт их применения на практике.

Традиционно при изучении различных правовых дисциплин применяются такие формы проведения аудиторных занятий, как лекции, семинары и практические занятия. В данной статье мы ставим перед собой задачу рассмотреть возможность повышения эффективности образовательного процесса в рамках преподавания криминалистических дисциплин при помощи использования новых, инновационных технологий, применяемых в рамках традиционных форм обучения, а также использование новых форм и способов обучения.

Основной проблемой, с которой сталкивается любой преподаватель в рамках своей профессиональной деятельности, является мотивированность студентов в процессе их обучения. Крайне сложно заставить любого человека заниматься тем видом деятельности, которая ему не интересна и, как следствие, кажется маловажной. Установление мотивации, в указанной ситуации, возможно только путем повышения уровня привлекательности занятий различного вида. Это достигается не только путем повышения уровня профессиональной подготовки преподавателя, но и при помощи использования в процессе обучения новых способов, приемов и средств обучения.

Развитие современного общества, науки и техники дало серьезный толчок к развитию так называемых технических средств обучения (далее - ТСО) и сфер их применения в образовательной деятельности. К ним, например, можно отнести компьютерную и мультимедийную технику, применяемую для визуализации информации, повышения ее наглядности и, как следствие, привлека-

* © Подшибякин А.Н.

тельности для восприятия студентом. Опыт работы показывает, что лекционные занятия, проводимые с использованием наглядных материалов в форме слайд-презентаций, коротких демонстрационных видеороликов, отдельных схем и фотографий, содержащих информацию по теме лекции, значительно повышает коэффициент восприятия материала за счет заинтересованности студентов в изучении именно наглядных форм подачи материала. Однако при этом хотелось бы отметить, что применение мультимедиа-технологий в рамках лекционных занятий не должно выводиться на уровень панацеи, способа решения всех проблем. Использование в рамках образовательного процесса исключительно только лекционного материала в форме видеозаписи, без личного контакта с преподавателем, без возможности задать дополнительный вопрос по материалам занятия и получить немедленный контекстный ответ приводят к усилению негативной реакции аудитории, резкому снижению уровня мотивации и восприятия материала, даже в сравнении с классической (устной) формой подачи всего материала.

Основной положительной чертой применения средств ТСО в рамках лекционных занятий заключается не только в том, что это повышает успеваемость студентов, но и простота подготовки материалов, крайне низкая их себестоимость. Однако сами средства ТСО крайне дороги и, к сожалению, далеко не все учебные заведения имеют требуемую технику в необходимом объеме.

Не важным для преподавания криминалистических дисциплин является использование ТСО при проведении семинарских и практических занятий. Так, значительно повышает мотивацию студента к получению знаний, заинтересовывает его в активном участии в проведении семинарских занятий демонстрация специальных учебных видеофильмов, которые, наравне с теоретическими опросами на семинаре, позволяют закрепить полученные студентом в рамках лекций и самоподготовки теоретические познания, адаптировать их к возможности практического применения, а в большинстве случаев, и углубить.

К сожалению, в современном российском образовательном сообществе очень мало уделяется внимания созданию полноценной базы учебных фильмов. Имеющиеся в наличии (в продаже и обращении) материалы снимались еще в 70-е и 80-е годы, что, с учетом значительных изменений в российском законодательстве, глобальных достижений в области науки и техники, снижает их ценность для образовательного процесса. Восстановление утраченных традиций, приведение учебного видефонда в жизнеспособное состояние требует больших материальных, физических и временных затрат, что делает их непривлекательными для тех субъектов, которые имеют опыт создания тематического учебного видеоматериала. Создание же полноценных учебных фильмов вузами самостоятельно в большинстве случаев крайне затруднительно не только в силу дороговизны мероприятия, но и в силу отсутствия опыта такой работы.

Однако это не исключает возможности подготовки видеоматериалов учебного характера профильными кафедрами вузов и их студентами самостоятельно в рамках практических занятий. Практический опыт работы подтверждает эффективность видеофиксации процесса практического занятия со студентами, проводимого, например, в форме деловой игры с последующим анализом фактических действий студентов с учетом положений действующего законодательства, выявлением допущенных ошибок и недочетов и их последующей корректировкой.

Отснятый материал пригоден не только для использования студентами, принимавшими участие в съемках, но и иными группами студентов в качестве наглядного иллюстрационного материала. В отдельных случаях возможна подготовка видеоматериалов, содержащих умышленные ошибки, выявление и анализ которых может стать основой для проведения конкретного семинарского или практического занятия по конкретной дисциплине криминалистического характера.

Новым, для преподавания криминалистических дисциплин и очень эффективным способом подачи теоретического, а в отдельных случаях, и практического материала является перенос практических занятий по дисциплинам криминалистического характера из учебного заведения на тематические выставки (такие, например, как «ИНТЕРПОЛИТЕХ»), специализированные учреждения и их подразделения (следственные отделы, криминалистические отделы и центры и т.д.), где студенты имеют возможность не только поддержать в руках различные приборы, оборудование и иные специальные технические средства, но и услышать подробную их характеристику от опытных специалистов-практиков, разработчиков и производителей, получают возможность их тестового (пробного) применения на практике.

Такие формы проведения занятий очень актуальны еще и в силу того, что стоимость криминалистической техники и оборудования очень велика и, в силу этого, далеко не каждое учебное заведение может себе позволить не только достаточный уровень обеспеченности техникой и оборудованием конкретного вида, но и наличие единичных экземпляров такой техники. Отдельные виды техники и оборудования вообще не могут быть приобретены вузами в силу ограничений, установленных законом.

A. Podschibjakin

DIE INNOVATIVEN TECHNOLOGIEN IM UNTERRICHTEN DER KRIMINALISTISCHEN DISZIPLINEN

Abstract. Im vorliegenden Artikel ist der Versuch zu bestimmen unternommen und, die Wege der Lösung der Hauptfragen, die vor dem Lehrer im Rahmen des Unterrichtens der kriminalistischen Disziplinen entstehen zu bezeichnen.

Die Stichwörter: die innovativen Technologien, die Kriminalistik, die Methodik der Untersuchung der abgesonderten Arten und der Gruppen der Verbrechen, die gerichtliche Expertise, die Motivation, den Lehrgang, die Studiendisziplin, die technischen Mittel der Ausbildung.

МЕХАНИЗМ УСТРАНЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НАРУШЕНИЙ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИХ РАССМОТРЕНИЮ УГОЛОВНОГО ДЕЛА СУДОМ*

Аннотация. Статья посвящена исследованию порядка устранения процессуальных нарушений, допущенных на стадии предварительного расследования и препятствующих рассмотрению уголовного дела судом. Основное требование, предъявляемое к данной деятельности – недопущение ухудшения положения обвиняемого в ходе устранения указанных нарушений, а также соблюдение процессуальных сроков.

Ключевые слова: суд, судья, прокурор, возвращение уголовного дела, обвиняемый, подготовка к судебному заседанию.

Механизм устранения процессуальных нарушений, препятствующих рассмотрению уголовного дела судом, представляет собой совокупность правовых норм, регламентирующих деятельность должностных лиц уголовного судопроизводства по устранению таких нарушений.

При производстве по возвращенному уголовному делу следователь, дознаватель вправе проводить любого рода следственные и иные процессуальные действия, которые ограничиваются только запретом на производство действий, направленных на восполнение неполноты произведенного дознания или предварительного следствия.

Положение обвиняемого следует признать ухудшенным в том случае, если в процессе устранения процессуальных нарушений по возвращенному уголовному делу: а) произошло увеличение объема обвинения в сравнении с ранее предъявленным; б) ранее предъявленное обвинение изменено, и это повлекло нарушение права на защиту; в) иным образом изменено его положение в сторону ухудшения. При установлении указанных обстоятельств суд разрешает уголовное дело в рамках ранее предъявленного обвинения.

Совершенствование механизма должно касаться и вопросов правовой регламентации срока, в течение которого прокурор обязан обеспечить устранение процессуальных нарушений, препятствующих рассмотрению дела, а также порядка избрания, продления, изменения и отмены меры пресечения в отношении обвиняемого.

Главным и необходимым условием соблюдения установленного законом процессуального срока является его достаточность для эффективного выполнения того или иного процессуального действия, в то же время он должен отвечать требованию разумности.

На устранение процессуальных нарушений, препятствующих рассмотрению уголовного дела, и повторное его направление в суд законодатель первоначально признал достаточным срок, равный пяти суткам.

Указанный срок должен был выступить в качестве гарантии обеспечения реализации идеи законодателя о ликвидации дополнительного расследования в стадии судебного производства как элемента, препятствующего рассмотре-

* © Тришева А.А.

нию уголовного дела в разумные сроки. Законодатель, безусловно, исходил из концептуального положения о том, что по поступившему в суд уголовному делу устраняются только нарушения формального характера, не предполагающие проведения дополнительных следственных действий, следовательно, и не требующие длительного времени для их устранения, что позволит обеспечить своевременное и оперативное разрешение уголовного дела. Однако, как правильно заметил П.Я. Сокол, быстрота процесса не должна быть излишней, она не должна превращаться в поспешность с тем, чтобы временные рамки процесса позволяли всем его субъектам полностью реализовать свои права и обязанности, а органам судопроизводства – решить все возложенные на них задачи [1, 79].

Практика применения положений ч. 2 ст. 237 УПК РФ показала, что именно к поспешности, а не разумной быстроте процесса приводил установленный ею срок, соблюдение которого было объективно невозможно. Установление неоправданно короткого срока для устранения процессуальных нарушений, без учета фактических временных затрат, необходимых для их устранения, приводило к тому, что фактически правоприменителем он игнорировался. Подтверждением этому служат статистические данные Судебного департамента при Верховном суде РФ за 2004-2008 гг., согласно которым ежегодно в среднем 30% уголовных дел, возвращенных судом прокурору, поступали обратно в суд в сроки, превышающие пять суток [2, 66-67].

Изучение ряда уголовных дел показало, что и суды перестали торопиться, как это имело место ранее, вручать прокурору возвращенное уголовное дело в максимально короткое время после принятия решения. Сторона защиты при очевидном нарушении обвинением пятисуточного срока, как правило, тоже не ставила вопрос о признании незаконными решений, принятых за его рамками.

Другим фактором, объективно влиявшим на мотивацию при нарушении указанного срока, с нашей точки зрения, было отсутствие правовой регламентации порядка его исчисления, в частности, указания на момент начала его течения и окончания, а также предусмотренной законом возможности его prolongации.

Размытость позиции законодателя относительно границ начала и окончания течения срока не позволяла определиться даже в вопросе о том, на выполнение каких конкретно процессуальных действий он распространяется. Это приводило к неоднозначному его толкованию как в теории, так и на практике.

Нам представляется правильным при установлении момента начала и окончания течения срока, необходимого для устранения процессуальных нарушений, исходить из очевидного положения о том, что указанный срок включает временной отрезок, когда уголовное дело возвращается из суда прокурору, а затем прокурором оно направляется обратно в суд. Следовательно, он включает: момент вручения уголовного дела судом прокурору (начало течения срока) и момент повторного направления уголовного дела прокурором в суд (окончание течения срока). Безусловно, следственные и иные процессуальные действия и решения, направленные на выполнение указаний суда об устранении нарушений закона, должны проводиться в промежутке между началом течения этого срока и его окончанием. Правильность данной позиции подтвердил Верховный суд РФ, обосновав ее в своих решениях по конкретным уголовным

делам [3].

Практика показала, что в ряде регионов возвращение уголовного дела прокурору, особенно по формальным основаниям, порой имеет куда более серьезные последствия для интересов правосудия, нежели сами выявленные судом нарушения, поскольку влечет неоправданную волокиту, нарушает право обвиняемого на рассмотрение дела в разумные сроки.

Вопрос о достаточности пятисуточного срока для устранения выявленных судом процессуальных нарушений предметом рассмотрения Конституционного суда РФ стал лишь в 2006 г.

В Определении от 2 февраля 2006 г. № 57-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Всеволожского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности частей 2 и 5 ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» содержится категоричный вывод Конституционного суда РФ о том, что «...на случаи возвращения судом уголовного дела прокурору по основанию, связанному с необходимостью устранения существенных неустранимых в судебном производстве нарушений закона, требование о соблюдении пятидневного срока, в течение которого прокурор обязан обеспечить их устранение, распространяться не может» [4].

Таким образом, правовая позиция Конституционного суда РФ, которая была принята и Верховным судом РФ, позволила пересмотреть концепцию законодателя о недопустимости производства следственных действий по возвращенному уголовному делу, а также его требование об устранении препятствий к рассмотрению дела в пятидневный срок.

Не менее проблематичным относительно процедуры возвращения уголовного дела является вопрос о порядке применения меры пресечения в отношении обвиняемого.

Данный вопрос получил правовую регламентацию в ч. 3 ст. 237 УПК РФ, согласно которой при возвращении уголовного дела прокурору судья решает вопрос о мере пресечения в отношении обвиняемого.

Содержащееся в ч. 3 ст. 237 УПК РФ регулирование предполагает широкий спектр действий суда (судьи) при решении вопроса о возвращении уголовного дела. Закон не содержит указаний на наличие каких-либо особенностей при реализации судом полномочий, связанных с применением меры пресечения обвиняемому, в отношении которого уголовное дело возвращено прокурору. Суд должен руководствоваться общими положениями, содержащимися в ст. 97-108, 110 УПК РФ, применение которых, как показала практика, не вызывает трудностей.

Однако ввиду недостаточной законодательной регламентации остаются проблематичными вопросы порядка исчисления срока содержания под стражей, а также его продления. Сразу после принятия УПК РФ Верховным судом РФ давались разъяснения, в соответствии с которыми прокурор был обязан устранить нарушения закона в течение 5 суток и вернуть уголовное дело в суд, при этом особо указывалось, что само уголовное дело и обвиняемый продолжают числиться за судом.

Подобная интерпретация закона, хотя и соответствовала позиции законодателя, однако в практическом применении показала полную несостоятельность. Так, в связи с решением суда о возвращении уголовного дела судебное производство приостанавливалось, однако предусмотренный для этого ст. 255 УПК РФ срок продолжал течь. Производство по возвращенному уголовному

делу осуществлял орган расследования, а ответственность за процессуальные сроки, в том числе срок содержания обвиняемого под стражей, оставалась за судом [5, 160].

Вскоре эти проблемы были разрешены. Постановлением Пленума Верховного суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» судам было рекомендовано при возвращении уголовного дела прокурору, решая вопрос о мере пресечения, одновременно перечислять обвиняемого за прокуратурой [6, 3].

Неоценимое значение для правильного понимания положений закона, регламентирующих указанные вопросы, имеют решения Конституционного суда РФ, содержащиеся в постановлении от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан». Согласно этим решениям «...практика содержания лица под стражей без конкретного правового основания, в результате чего оно может быть лишено свободы на неопределенный срок, несовместима с принципом правовой определенности. Обеспечение же режима правовой определенности возможно только путем использования судебных механизмов, основанных на принципах равенства всех перед законом и судом, справедливости, состязательности и равноправия сторон» [7].

Из этого следует, что процессуальным основанием содержания лица под стражей может являться только судебное решение, вынесенное в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом. Судья во всех случаях возвращения уголовного дела прокурору обязан проверить, является ли достаточным оставшийся срок содержания обвиняемого под стражей для того, чтобы в стадии устранения препятствий к рассмотрению уголовного дела прокурор и орган расследования имели возможность принять решение о дальнейшем содержании обвиняемого под стражей.

Увеличение процессуального срока, в течение которого следователь и дознаватель смогут устранять ошибки, препятствующие рассмотрению уголовного дела судом, позволяет предложить и расширение процессуальных полномочий, имеющихся у прокурора.

Прокурор как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения, естественно, стремится к тому, чтобы предъявленное лицу обвинение было составлено надлежащим образом, а при обнаружении судом иных недостатков – чтобы они были устранены следователем или дознавателем надлежащим образом и без нарушения процессуального срока. Несмотря на то, что в постановлении судьи содержатся конкретные указания, направленные на устранение недостатков предварительного расследования, следует наделить прокурора полномочиями при возвращении уголовного дела следователю или дознавателю давать им письменные указания о конкретных процессуальных путях устранения таких недостатков. Это не противоречит общей доктрине обвинительной деятельности, так как на момент формулирования таких указаний прокурор обладает статусом государственного обвинителя. Более того, именно в связи с наличием этого статуса следует придать таким письменным указаниям статус обязательных для исполнения не только дознавателем, но и

следователем.

Кроме того, проведенный в рамках настоящего исследования системный анализ положений ст. 237 УПК РФ показал, что регламентируемый ею порядок возвращения судом уголовного дела прокурору для устранения препятствий рассмотрения, основной целью которого является обеспечение справедливости судебного разбирательства, защиты прав и законных интересов участников судопроизводства, не в полной выполняет свое назначение в механизме правового регулирования. Этот институт, не предусматривающий возможности дополнения ранее проведенного следствия, регламентируя принципиально иной порядок исправления следственных ошибок, не обеспечивает достаточно полного регулирования всего комплекса отношений, возникающих в данной сфере уголовно-процессуальной деятельности.

Так, закрепленное положение о том, что уголовное дело возвращается прокурору только для устранения нарушений процедурного характера, оставляет без какой-либо правовой регламентации необходимость устранения нарушений более существенных, например, требующих изменения обвинения, которые, как и перечисленные в ч. 1 ст. 237 УПК РФ процедурные нарушения, влияют на законность и обоснованность судебного решения.

Сложившееся положение, бурно обсуждаемое в юридической литературе, инициировало требование о восстановлении института дополнительного расследования, который, по мнению некоторых процессуалистов, более эффективно справлялся с задачей исправления следственных ошибок, создавая гарантии обеспечения защиты прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве [8, 57]. В связи с этим ими справедливо отмечается, что новый порядок повлек куда более вредные последствия, чем те, которые приводились при обосновании отказа от дополнительного расследования.

С этим трудно спорить, поскольку неоправданное сужение полномочий суда по возвращению уголовного дела прокурору в условиях, исключаящих активность суда по самостоятельному поиску и собиранию доказательств, действительно привело к существенному нарушению конституционного права участников уголовного судопроизводства на доступ к правосудию [9] и создало препятствия для нормального функционирования органов предварительного расследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: Сокол П.Я. Процессуальные гарантии быстроты предварительного расследования: Дисс. ...канд. юрид. наук. - М., 1990.
2. См.: Колоколов Н.А. Судебная практика в уголовном процессе: отвергнуть или, упорядочив, легализовать // Уголовно-процессуальное право: понятие, содержание, источники. Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Д.С. Карева. - М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006.
3. См.: Кассационное производство по делу № 81-004-129 от 13.01.2005 в отношении П. и др. // Архив Верховного Суда Российской Федерации. - 2005.
4. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
5. См.: Ткачев А.И. Возвращение уголовного дела прокурору со стадии подготовки к судебному заседанию: Дисс. ...канд. юрид. наук.
6. Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2004. № 5.
7. Росс. газета. – 2005, 1 апр.
8. См., например: Кругликов А.П. Возвращение уголовного дела для дополнительного расследования руководителем следственного органа или прокурором // Российская юстиция. - 2009. № 2.
9. Право на доступ к правосудию закреплено в том числе на международном уровне (ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства РФ. - 1998.

№ 20. - Ст. 2143.

A. Trisheva

THE MECHANISM OF ELIMINATION OF THE REMEDIAL INFRINGEMENTS INTERFERING CONSIDERATION OF CRIMINAL CASE

Abstract. Clause is devoted to research of the order of elimination of the remedial infringements admitted at a stage of preliminary investigation and interfering consideration of criminal case by court. The basic requirement shown to given activity - bar of claim by lapse of time of deterioration accused during elimination of the specified infringements, and also observance of time limits.

Key words: court, the judge, the public prosecutor, returning of the criminal case, accused, preparation for session of the court.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

УДК 347.218.2

Кириченко Д.В.

ПРОБЛЕМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОЦЕНКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА, РАСПОЛОЖЕННОГО ЗА РУБЕЖОМ*

Аннотация. Статья посвящена существующему пробелу в действующем законодательстве касательно отсутствия нормы, регулирующей порядок осуществления оценки государственного недвижимого имущества, расположенного за рубежом. В статье также даются конкретные предложения по изменению действующего законодательства.

Ключевые слова: недвижимое имущество; оценка; государственное имущество, расположенное за рубежом.

Практически вся недвижимость за рубежом, находящаяся в собственности государства и не связанная с осуществлением функции дипломатического представительства, находится в ведении Управления делами Президента РФ, осуществляющего контроль за недвижимым имуществом РФ за рубежом в соответствии с Положением об Управлении делами Президента Российской Федерации, утвержденным Указом Президента РФ от 17 сентября 2008 года № 1370, а также в соответствии с Указом Президента РФ от 23 октября 2000 года № 1771 «О мерах по улучшению использования расположенного за пределами Российской Федерации федерального недвижимого имущества, закрепленного за федеральными органами исполнительной власти и их представительствами, другими государственными органами Российской Федерации и государственными организациями».

Недвижимость занимает особое место в системе объектов собственности Российской Федерации, расположенных за рубежом. Так, в 1996 году за рубежом у России насчитывалось 1509 объектов недвижимого имущества в 112 странах [1, 44]; по состоянию на 01 декабря 2001 года на учете Мингосимущества России находилось 3643 объекта недвижимости в 120 странах балансовой стоимостью 2,7 млрд. долларов США, из них 695 объектов – в ФРГ, 672 объекта – в Болгарии, 464 – в Румынии [2, 4].

По данным отчета Счетной палаты РФ, утвержденного Коллегией Счетной палаты РФ 23 января 2004 года № 2 (37) [3], в базе данных «Учет собственности за рубежом» было отражено 6385 объектов недвижимости за рубежом. Приведенная статистика указывает на растущее из года в год количество объектов недвижимости за рубежом, которыми владеет Российская Федерация, а следовательно, значимость правового регулирования отношений по использованию указанных объектов также возрастает. В то же время в средствах массо-

* © Кириченко Д.В.

вой информации появляются противоречивые данные о стоимости указанного имущества.

Указанное противоречие возникает, в том числе, ввиду разных методов оценки имущества, закрытым доступом к информации о государственной собственности за рубежом, а также противоречивыми данными реестра государственной собственности, информация из которого может отличаться от реальной.

Практическая необходимость проведения оценки государственного недвижимого имущества, расположенного за рубежом, может быть вызвана разными причинами, например, вовлечением объекта недвижимости в хозяйственный оборот посредством сдачи его в аренду с целью повышения эффективности использования.

Согласно ст. 8 Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» проведение оценки недвижимого имущества, принадлежащего государству или муниципальному образованию, является обязательным, в том числе для определения стоимости объектов при их приватизации, отчуждении, передаче в аренду или доверительное управление. В указанной норме не содержится сведений об особом порядке проведения оценки объектов недвижимости, расположенных за рубежом, из чего можно сделать вывод, что любые объекты недвижимости, которые находятся в государственной собственности, подлежат соответствующей оценке согласно действующему российскому законодательству об оценочной деятельности.

В России оценочная деятельность регулируется упомянутым законом об оценочной деятельности, Постановлением Правительства РФ от 29 мая 2003 г. № 311 «О порядке учета, оценки и распоряжения имуществом, обращенным в собственность государства», а также Постановлением Правительства РФ от 06 июля 2001 г. № 519 «Об утверждении стандартов оценки». Однако действующее российское законодательство об оценочной деятельности направлено на определение рыночной цены объектов гражданских правоотношений, находящихся в обороте на территории России, и не регулирует проведение оценки расположенных за границей объектов.

Согласно ст. 1205 ГК РФ содержание права собственности и иных вещных прав на недвижимое и движимое имущество, их осуществление и защита определяются по праву страны, где это имущество находится.

В ч. 3 ст. 1209 ГК РФ указано, что форма сделки в отношении недвижимого имущества подчиняется праву страны, где находится это имущество, а в отношении недвижимого имущества, которое внесено в Государственный реестр в Российской Федерации, – российскому праву. Однако под реестром в указанной статье, очевидно, понимается Государственный реестр прав на недвижимое имущество (реестр объектов недвижимости, расположенных в России), так как другой реестр исключительно государственного имущества ведет непосредственно Росимущество (СИОД Росимущества), и включение объекта недвижимости в последний реестр не определяет действие вышеназванной статьи.

В соответствии со ст. 1213 ГК РФ при отсутствии соглашения сторон о праве, подлежащем применению к договору в отношении недвижимого имущества, применяется право страны, с которой договор наиболее тесно связан (право страны, где находится недвижимое имущество, если иное не вытекает из существа договора).

Указанные нормы получили самое широкое распространение в мире под общим названием принцип *lex rei sitae*, согласно которому исходным коллизийным началом для определения права, подлежащего применению в отношении вопросов права собственности, признается закон места нахождения вещи [4, 229].

Из анализа приведенных норм следует, что при проведении оценки имущества, находящегося за рубежом, уместно руководствоваться не нормами национального права государства-собственника, а законодательством того государства, где это имущество находится. С экономической точки зрения, это также объясняется тем, что рыночная цена (на определение рыночной цены направлена, как правило, оценочная деятельность) объекта недвижимого имущества определяется спросом, а также минимальным размером цены за объект, где это имущество находится.

Учитывая существующую законодательную неопределенность в вопросе оценки государственного недвижимого имущества, расположенного за рубежом, можно предполагать, что указанное имущество может быть оценено исходя из нескольких критериев: в основу могут быть положены балансовая стоимость недвижимого имущества, принадлежащего конкретному предприятию; рыночная стоимость недвижимости в стране, где она находится; стоимость указанного имущества на основании имеющегося спроса в России; может быть проведена экспертная оценка специальной организации или экспертом на территории России (в этом случае используются установленные российским законодательством методы оценки) или на территории того государства, где имущество расположено (используются методы оценки, установленные законодательством государства места нахождения имущества).

При проведении оценки в каждом конкретном случае стоимость имущества на российском рынке недвижимости и на рынке той страны, где имущество расположено, может значительно отличаться. Причем могут отличаться также и методы проведения оценки имущества, используемые оценочными организациями, и круг субъектов, осуществляющих оценку.

Для преодоления указанного пробела в законодательстве необходимо внести соответствующие изменения в Закон об оценочной деятельности, установив норму, согласно которой для определения рыночной цены на объект государственного недвижимого имущества, расположенного за рубежом, оценка имущества должна осуществляться в соответствии с законодательством государства его места нахождения. Также необходимо внести изменения в Постановление Правительства от 05 января 1995 года № 14 «Об управлении федеральной собственностью, находящейся за рубежом» в части указания на необходимость проведения оценки независимыми организациями по месту нахождения имущества при его аренде или реализации на торгах. Кроме этого, необходимо законодательно установить алгоритм проведения оценки собственности, расположенной за рубежом. Указанный алгоритм можно установить изданием соответствующего нормативного акта (Постановления Правительства, Указа Президента), в рамках которого будет предусмотрен порядок согласования стоимости оценки имущества, порядок выбора оценочной организации, порядок финансирования проведения оценки, сроки проведения оценки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сметанин А.В. Правовой режим недвижимого имущества Российской Федерации за рубежом, используемого в предпринимательской сфере: Дис. соиск. уч. ст. к.ю.н. – М., 2007.
2. Гайраджи С.И. Механизм управления государственной собственностью Российской Федерации, находящейся за рубежом: Дис. соиск. уч. ст. к.э.н. – М., 2003.
3. Опубликовано на официальном сайте - <http://www.ach.gov.ru/ru/>
4. Богуславский М.М. Международное частное право: учебник. – М., 2010.

D. Kirichenko

PROBLEM OF ESTIMATION OF THE STATE REAL ESTATE LOCATED ABROAD

Abstract. The Article is devoted to a blank in the current legislation concerning absence of the norm regulating a procedure of estimation of the state real estate located abroad. In the Article specific proposals on current legislation change are also given.

Key words: real estate; estimation; state property located abroad.

Трибуна молодого ученого

УДК 343.2

Гаджиев Т.Б.

УСЛОВИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ПОХИЩЕНИИ ЧЕЛОВЕКА (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)*

Аннотация. Статья посвящена примечаниям ст. 144 УК АР и ст. 126 УК РФ, предусматривающим освобождение от уголовной ответственности лица, добровольного освободившего похищенного, если в его действиях не содержится иного состава преступления. Важным обстоятельством является признак добровольности, который обязательно должен присутствовать при применении этой нормы. Добровольное освобождение означает, что виновный, осознавая возможность удержания потерпевшего, отказывается от дальнейших действий и предоставляет ему свободу. Предложено установить в законе временной предел, в течение которого может применяться эта норма. Ее действие не должно распространяться на случаи слишком длительного удержания потерпевшего.

Ключевые слова: похищение, освобождение, уголовная ответственность, добровольность.

В УК АР 1999 г. и УК РФ 1996 г. наряду с нормами, устанавливающими ответственность за похищение человека, содержатся положения, предусматривающие условия освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего похищение человека. Эти нормы закреплены в примечании к ст. 144 УК АР 1999 г. и в примечании к ст. 126 УК РФ 1996 г. идентичным образом.

На основании примечания к ст. 144 УК АР 1999 г. «лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления». Из содержания данной нормы вытекает, что для ее применения необходимо наличие совокупности двух обязательных условий. К ним относятся: 1) добровольность освобождения похищенного человека и 2) отсутствие в действиях виновного иного состава преступления [1, 309].

Поощрительные нормы, в которых содержатся условия освобождения от уголовной ответственности, помещены законодателем в примечаниях к ст. 144 (похищение человека) и ст. 215 (захват заложника) УК Азербайджанской Республики. Следует отметить, что среди бывших союзных республик только УК РФ, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана предусматривают подобную норму за эти оба преступления. Причем в этих поощрительных нормах идет речь о полном освобождении от ответственности за эти преступления в случае добровольного освобождения виновным потерпевшего, тогда как в странах

* © Гаджиев Т.Б.

дальнего зарубежья (например, в УК ФРГ, Франции) добровольное освобождение потерпевшего может учитываться судом не как основание освобождения от ответственности, а как обстоятельство, смягчающее наказание. При этом окончательное решение, применять или не применять эту норму, принимает суд по своему усмотрению.

Отличительной особенностью поощрительных норм уголовного права, как справедливо отмечает В.А. Елонский, является то, что они одобряют, стимулируют социально полезное поведение путем устранения или смягчения реального или потенциального уголовно-правового обременения [2, 15].

Полностью освобождая от ответственности лицо, виновное в похищении человека или захвате заложника, в случае добровольного освобождения им потерпевших, если в его действиях не содержится состав другого преступления, законодатель ставит интересы потерпевшего, его жизнь, здоровье и свободу выше принципа неотвратимости ответственности и наказания за совершенное преступление. Примечания в ст. 144 и ст.215 имеют превентивное значение, они предоставляют виновному возможность одуматься и освободить захваченного им человека. Кроме того, законодатель этой нормой способствует сдерживанию преступника от дальнейших насильственных действий в отношении потерпевшего.

Важным обстоятельством является признак добровольности, который обязательно должен присутствовать при применении этой нормы. Добровольное освобождение означает, что виновный, осознавая возможность удержания потерпевшего, отказывается от дальнейших действий и предоставляет ему свободу (передает его правоохранительным органам или родственникам). По нашему мнению, наиболее удачную формулировку дал Донцов А.В.: «Под добровольным освобождением похищенного человека по смыслу закона понимается такое освобождение, которое не обусловлено невозможностью удерживать похищенного либо выполнением или обещанием выполнить условия, явившиеся целью похищения» [3, 132].

Инициатива добровольного освобождения может исходить от самого виновного, родственников потерпевшего, работников правоохранительных органов и других лиц или организаций. Добровольное освобождение может иметь место только в том случае, если потерпевший мог еще безнаказанно удерживаться, но был освобожден преступником из чувства вины за содеянное, в связи с раскаянием, из боязни уголовной ответственности, мести со стороны родственников потерпевшего или по другим причинам. Мотивы принятого решения значения не имеют (раскаяние, сострадание к потерпевшему или его близким, страх перед наказанием и др.).

Оговорку «если в его действиях не содержится иного состава преступления» следует понимать в том смысле, что при добровольном освобождении потерпевшего виновный не несет ответственности именно за похищение человека или захват заложника, но не за другие преступления, совершенные в связи с этим. Ни в коем случае нельзя толковать названную оговорку так, что при наличии признаков иного преступления освобождение от уголовной ответственности по ст. 144 или ст.215, не наступает. Подобная трактовка перечеркивает главный смысл данного примечания – спасение потерпевшего путем компромисса.

По смыслу примечания к ст. 144 под «иным составом преступления», наличие которого исключает освобождение от уголовной ответственности лица, похитившего человека, имеется в виду состав иного преступления, связанного

с похищением человека (например, незаконное приобретение оружия, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, угон автомобиля, незаконное приобретение ядовитых или сильнодействующих средств и т.д.). Ответственность для виновного, добровольно освободившего похищенного, наступает лишь за уже совершенные действия, содержащие состав другого преступления. Чтобы сделать содержание примечаний более доступным для понимания, следует подкорректировать текст примечаний к ст. 144 и ст. 215. Нам кажется, если бы после слов «освобождается от уголовной ответственности», внесли бы уточнение «по настоящей статье Кодекса», то отпала бы надобность в оговорке «если в его действиях не содержится состав иного преступления».

Несмотря на схожесть условий освобождения от ответственности в примечаниях к ст. 144 и ст. 215 УК АР, между ними имеются отличия, обусловленные особенностями объективной стороны преступления. Так, единственным условием освобождения от ответственности при похищении человека (ст. 144) является добровольность намерений преступника. Добровольность отсутствует, если о местонахождении похищенного человека и личности виновного стало известно органам власти, и они предпринимают меры по его задержанию и освобождению потерпевшего, о чем известно виновному.

В примечании к ст. 215 УК АР сказано: «Лицо... добровольно или по требованию властей освободившее заложника, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится состав иного преступления». Следовательно, закон обуславливает освобождение от ответственности за захват заложника при выполнении следующих условий: а) если заложник освобожден добровольно, т.е. по собственной воле преступника в ситуации, когда заложник находится во власти виновного, предоставлением свободы заложнику; б) если заложник освобожден по требованию властей.

Понятие добровольности в целом является достаточно однозначным, чего нельзя сказать о другом условии – отсутствие в действиях виновного иного состава преступления. П.Н. Скобликов охарактеризовал эти условия как непосредственное и лукавое, влекущее многозначное толкование, имея в виду, что практически всегда похищение человека сопровождается совершением иных преступлений: причинением телесных повреждений, угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и т.п. [4, 54]

В целом, анализируя наличие поощрительной нормы в примечаниях к статьям, в которых определяется ответственность за похищение человека и захват заложника, считаем, что ее действие следует ограничить временными рамками.

В примечаниях ст. 144 УК АР и 126 УК РФ единственным основанием его применения названо добровольное освобождение похищенного. Никакие сроки в примечании не указаны и никакие способы толкования установить их не позволяют. Это обстоятельство не осталось незамеченным. И многие авторы предлагают установить сроки: одни – не более 24 часов, другие – сроком на три дня, а П.Н. Скобликов, отмечая, что освобождение от уголовной ответственности в примечании никак не связано с тем, как долго человек пребывал в положении похищенного, при этом констатирует, что примечание идет в пользу скорее виновного, чем потерпевшего [5, 53].

По нашему же мнению, в законодательном порядке следует установить временной предел, в течение которого может применяться эта норма: ее действие не должно распространяться на случаи слишком длительного удержания потерпевшего.

Нам представляется, что срок в семь дней наиболее приемлем в случае установления временных ограничений для применения поощрительной нормы. С этой целью следует ввести в примечания к ст. 144 и ст. 215 следующее дополнение: «Лицо, ... добровольно освободившее потерпевшего в течение семи дней со дня совершения преступления ...». Этот же срок, на наш взгляд, должен быть критерием дифференциации ответственности за квалифицированные виды похищения человека (ст. 144.2) и захвата заложника (ст. 215.2).

Определение законодательно конкретного срока (48 часов, семь дней, десять дней и т.д.) или же неопределенного, как это сделано в УК Украины с использованием определения «длительный срок», принципиального значения не имеет. Главное, сама констатация в рассматриваемых статьях УК факта дилеммы (выбора) для преступника: или он в течение срока, указанного в законе, добровольно освобождает потерпевшего и этим полностью освобождается от ответственности за данное преступление (похищение человека или захват заложника), или же по истечении этого же срока его действия подпадают под повышенную ответственность по ст. 144.2 или ст. 215.2 УК 1999 г.

Учитывая все изложенные доводы, можно предложить следующий текст к примечанию к ст. 144 УК АР: «Лицо, совершившее деяние, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности по настоящей статье, если добровольно освободит похищенного в течение семи дней с момента совершения преступления». И, соответственно, к ст. 215 предлагается следующий текст: «Лицо, совершившее деяние, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности по настоящей статье, если добровольно или по требованию властей освободит заложника в течение семи дней с момента совершения преступления».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений, закон, теория, практика. - М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2005.
2. См.: Елонский В.М. Поощрительные нормы уголовного права. - Хабаровск, 1984.
3. Донцов А.В. Похищение человека, уголовно-правовой аспект: Дисс. ... канд. юрид.наук. - Кисловодск, 2003.
4. См.: Скобликов П.Н. Незаконное лишение свободы, похищение человека и захват заложника в новом уголовном законодательстве // Законность. - 1997. - № 9.
5. См.: Скобликов П.Н. Указ. соч.

T. Gadjiev

CONDINIONS OF CONDONATION AT ABDUCTION OF THE PERSON (СПРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ РАТHER-LEGAL RESEARCH UNDER THE CRIMINAL LEGISLATION THE AZERBAIJAN REPUBLIC AND THE RUSSIAN FEDERATION)

Abstract. The article is devoted to notes of item 144 УК АР and ст.126 УК the Russian Federation, providing clearing of the criminal liability of the person, voluntary released stolen if in its actions does not contain other corpus delicti. The important circumstance is the attribute of voluntariness which necessarily should be present at application of this norm. Voluntary clearing means, that guilty, realizing an opportunity of deduction of the victim, refuses the further actions and gives to it freedom.

Key words: abduction, clearing, the criminal liability, voluntariness.

К ВОПРОСУ ОБ ОБОСНОВАННОСТИ ВНЕСЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В СТАТЬЮ 210 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Аннотация. Точность, лаконичность, а главное – ясность формулировок норм права во многом определяет эффективность правоприменения. Федеральным Законом от 3 ноября 2009 года № 245-ФЗ статья 35 и статья 210 Уголовного кодекса изложены в новой редакции. Необходимость внесения изменений обоснована ростом в последние годы числа преступлений, совершаемых членами организованных преступных группировок, недостаточно эффективным противодействием организованной преступности. Одной из причин сложившейся ситуации разработчики законопроекта сочли именно несовершенство правового регулирования в данной сфере. В данной статье дан анализ изменения законодательства и изложены основные проблемы нечеткости отдельных понятий.

Ключевые слова: координация преступных действий; организованная группа; преступные действия; внесение изменений; рост числа преступлений; преступная иерархия; высшее положение в преступной иерархии.

Эффективность законодательства во многом зависит от того, насколько точно сформулированы нормы права, какие средства использованы законодателем для их построения и, наконец, от того, как практически реализуются нормы права. Изменения текста закона должны быть направлены на устранение неточностей, противоречий и иных недостатков. Любые нововведения должны быть обоснованы и направлены на облегчение применения правовых норм на практике.

Федеральным законом от 3 ноября 2009 года № 245-ФЗ статья 35 и статья 210 Уголовного кодекса изложены в новой редакции.

В частности, предусматривается уголовная ответственность за создание преступного сообщества для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, руководство таким сообществом или входящими в него структурными подразделениями, а также за координацию преступных действий, создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, разработку планов и условий для совершения преступлений такими группами или раздел сфер преступного влияния и преступных доходов между ними, совершенные лицом с использованием своего влияния на участников организованных групп, а равно за участие в собрании (сходке) лидеров организованных групп в указанных целях. Одновременно повышены низший и высший пределы санкции в виде лишения свободы за совершение перечисленных деяний с семи до двенадцати лет и с пятнадцати до двадцати лет соответственно, что исключает возможность назначения виновным лицам условного осуждения в порядке, предусмотренном статьей 73 Уголовного кодекса Российской Федерации. Законом также предусматривается повышенная ответственность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии,

* © Гапеенок Д.Е.

в том числе в виде пожизненного лишения свободы. Кроме того, предусматривается, что лица, осужденные за совершение деяний, предусмотренных статьей 210 Уголовного кодекса Российской Федерации, должны будут отбыть не менее трех четвертей срока назначенного им наказания, прежде чем у них возникнет право на условно-досрочное освобождение или на замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Необходимость внесения изменений обосновывалась ростом в последние годы числа преступлений, совершаемых членами организованных преступных группировок, недостаточно эффективным противодействием организованной преступности. Одной из причин сложившейся ситуации разработчики **законопроекта** сочли несовершенство правового регулирования в данной сфере.

Поскольку об изменениях в правоприменительной практике говорить пока рано, а только ее оценка позволит судить об эффективности произошедших изменений, обратимся к предварительному анализу текста измененной нормы.

Во-первых, текст статьи по-прежнему содержит множество оценочных понятий, смысл которых является не совсем ясным. В первую очередь, как и ранее, законом четко не установлено, что же правоприменитель понимает под организованной группой.

Во-вторых, нет ясности относительно субъектного состава. Пунктом 4 статьи 210 предусмотрена ответственность за деяния, предусмотренные пунктом 1 статьи, – совершенные лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. В чем отличие этого субъекта от указанного в пункте 1 данной статьи? Ведь вступившим в законную силу Федеральным законом и так была существенно расширена объективная сторона состава преступления. В частности, уголовно наказуемыми теперь являются руководство сообществом (организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями, координация преступных действий, создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, разработка планов и создание условий для совершения преступлений такими группами или раздел сфер преступного влияния, преступных доходов между ними, совершенные лицом с использованием своего влияния на участников организованных групп, а равно участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп.

Привлечение оценочных признаков в процессе нормотворчества призвано решить проблему эффективности использования уголовно-правовых норм. В процессе толкования и применения норм, содержащих оценочные признаки, возникает целый ряд вопросов. Как, на каких принципах и с учетом чего должны трактоваться используемые в уголовном законе оценочные признаки при квалификации преступления. Проблемой использования оценочных признаков являются различия в их истолковании правоприменителями, что приводит к ошибочному расширению или сужению рамок криминализации общественно опасного деяния. Спорно – возможна ли криминализация при правоприменении? Использование оценочных признаков обусловлено противоречием: они одновременно оказывают и положительное, и отрицательное влияние на эффективность уголовно-правовых норм. Оценочные признаки способствуют закреплению в правовой норме тех явлений, которые заранее предусмотреть или описать в полной мере не представляется возможным.

Таким образом, в некотором роде, правоприменитель наделяется нормот-

ворческой функцией. Несмотря на это, ответственность за толкование соответствующих уголовно-правовых норм, как нам представляется, ложится на законодателя в большей степени, так как любая неточность или неполнота, допущенные при конструировании нормы с опорой на оценочные предписания, могут иметь впоследствии их ненадлежащее использование по вине правоприменителя.

В уголовном праве под толкованием принято понимать уяснение или разъяснение смысла уголовного закона, выявление воли законодателя, выраженной языковыми средствами в форме правовой нормы, в целях точного его применения. Необходимость толкования данной нормы обусловлена тем, что в ходе его осуществления устанавливаются основная цель принятия закона, его роль и назначение, смысл и содержание, а также возможные последствия его применения. Толкование является одним из важнейших условий правотворческой, а также правоприменительной деятельности.

В соответствии с изменениями, внесенными в статью 35 Уголовного кодекса Российской Федерации, преступление будет теперь признано совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Ранее преступление признавалось совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно было совершено сплоченной организованной группой (организацией), созданной для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединением организованных групп, созданным в тех же целях.

Возможно, внесением изменений в данную статью законодатель пытался внести ясность в разграничение содеянного группой лиц по предварительному сговору, если лица заранее договорились о совершении преступления, и организованной группой лиц, которые заранее объединились для совершения одного или нескольких преступлений.

Тем не менее, внесение в текст закона понятия «структурированная организованная группа» вместо бывшего «сплоченная организованная группа» не только не принесло существенного облегчения в процессе толкования данной статьи на практике, но и породило проблему раскрытия содержания понятия «структурированная». По сути, одно оценочное понятие было заменено на другое. Что законодатель подразумевает под понятием структурированность, и каким образом с помощью такового планируется облегчить задачу правильной квалификации преступного деяния. Возможно, это каким-то образом может пролить свет на решение вопроса о привлечении к ответственности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Возможно, эта иерархия и есть некая структурированность. Следовательно, напрашивается очередной вопрос: чем «иерархия» отличается от «структурированности»?

С вступлением в силу закона преступлением также стало «создание устойчивых связей между различными самостоятельными группами, раздел сфер преступного влияния и преступных доходов между ними, совершенные лицом с использованием своего влияния на участников групп, а равно участие в собрании лидеров в целях совершения преступлений». Фактически получается, что судить будут не за преступление, а за наличие признаков лидера.

Предполагаем, что для уяснения смысла данных понятий следует обращаться как к морфологическому и лексическому значению данных слов, так и к их криминологическому, структурному и логическому толкованию нормы в ее современной редакции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный Закон «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации» №245-ФЗ от 3 ноября 2009 года // Собрание законодательства РФ, 09.11.2009. N 45. – ст. 5263.
2. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: курс лекций / под ред. А.И. Рарога. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – С.13.

D. Gapeenok

TO A QUESTION ON VALIDITY OF MODIFICATION OF ARTICLE 210 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. Accuracy, laconicism, and the main thing clearness of formulations of rules of law in many respects advances efficiency law enforcement. From November, 3rd, 2009 №245-FZ article 35 and Criminal code article 210 are stated by the Federal statute in a new wording. Necessity of modification is reasonable by growth in the last years of number of the crimes made by members of organised criminal groups, insufficiently effective counteraction of the organised crime. Developers of the administration bill have considered as one of the reasons of a current situation imperfection of legal regulation in the given sphere. In the given article the analysis of change of the legislation is given and the basic problems of an illegibility of separate concepts are stated.

Key words: coordination of criminal acts; the organised group; criminal acts; modification; growth of number of crimes; criminal hierarchy; the maximum position in criminal hierarchy.

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И КОНСТИТУЦИОННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА ПЕРЕД ЛИЧНОСТЬЮ*

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам изучения конституционной ответственности в связи с формированием современного правового государства в Российской Федерации. Автор рассматривает различные подходы к конституционной ответственности государства перед личностью, оцениваются правовые отношения, возникающие по данным основаниям.

Ключевые слова: правовое государство, гражданское общество, теория государства и права, личность, юридическая ответственность.

Идея правового государства предполагает отсутствие монополии государства на власть и преимущество в соотношении свободы государства и общества у отдельной личности. Эта концепция носит в некотором роде универсальный характер, присутствуя хотя бы отчасти в политической и правовой идеологии цивилизаций всех народов.

Правовое государство как специальная государственно-правовая конструкция новейшего времени – особая форма развитой правовой организации публично-политической власти свободных индивидов как официально признанных субъектов прирожденных и неотчуждаемых прав человека и одновременно субъектов прав и свобод гражданина.

Разнообразны виды юридической ответственности государства перед личностью, некоторые из которых апробированы, реализуются при наличии предусмотренных в законе оснований (например, внедоговорная гражданско-правовая, возникающая из причинения имущественного вреда личности). Другие, в том числе конституционная и международно-правовая, еще только находят своих сторонников среди правоприменителей, нуждаются в более четкой правовой регламентации, практике осуществления. Неотъемлемым условием формирования основ правового государства в России способна стать только неотвратимая реализация юридической ответственности государства и его представителей перед личностью. Регулирование организации государственной власти, закрепление форм и механизмов её осуществления ряд авторов относит к предмету *конституционного права* [1, 15-17].

Так, согласно точке зрения М.В. Баглая, предмет конституционного права охватывает две сферы общественных отношений: а) защиты прав и свобод человека (отношения между человеком и государством); б) сфера государственного управления (властеотношения) [2, 5]. Исследователь отмечает, что устройство государственной власти предполагает не только учреждение органов государственной власти и управления, но и регламентацию широкого круга отношений между ними [3, 8]. Разнообразные аспекты взаимодействия органов публичной власти регулируется также конституционно-правовыми нормами [4, 1].

В рамках принципа разделения властей высший исполнительный орган государственной власти субъектов РФ может быть привлечен к юридической ответственности. Основания и порядок привлечения к ней установлены норма-

* © Маров И.В.

ми конституционного права, таким образом, здесь речь идет именно о конституционной ответственности.

При обращении к этому виду ответственности следует отметить, что как самостоятельный вид юридической ответственности она выделена относительно недавно. «Конституционная ответственность не может быть аналогом других видов юридической ответственности, ее специфика еще недостаточно изучена, а высказанные мнения весьма разноречивы», - пишет В.О. Лучин [5, 279].

Устанавливая меры конституционного воздействия, законодательство не дает четкого определения конституционной ответственности и даже не пользуется соответствующей терминологией. Такое закрепление предлагалось проектом Федерального закона «О федеративных органах исполнительной власти», предусматривающего, что федеральные органы исполнительной власти «несут установленную законодательством Российской Федерации конституционную... ответственность за невыполнение или ненадлежащее выполнение возложенных на них функций» (ст. 13 проекта Закона) [6, 335]. Конечно, такое положение далеко не бесспорно, особенно в части закрепления возможности привлечения к уголовной ответственности органа публичной власти, который, являясь юридическим лицом, не может быть субъектом преступления. Однако, на наш взгляд, это может быть обоснованно в части попытки придать легитимность конституционной ответственности.

Ю.П. Еременко одним из первых в науке государственного (конституционного) права исследовал понятие конституционной ответственности. Под ней он понимал «установленную государством и выраженную в конституционных нормах государственного права обязанность, обращенную к государствам и общественным объединениям, должностным лицам, гражданам соблюдать конституционные нормы и в случае их нарушения претерпевать определенные конституцией и иными законами лишения политического характера» [7, 160].

Предпринимаются попытки выделить ее сущностные признаки. А.А. Кондрашев, например, к их числу относит «государственное и общественное осуждение в виде угрозы применения или непосредственного использования принудительных мер (преимущественно организационного характера, реже личного характера) за совершенное противоправное деяние – конституционное правонарушение» [8, 37].

Отдельными авторами в свое время было предложено считать, что конституционная ответственность «объединяет в себе политическую, моральную и юридическую», на том основании, что «на конституционном уровне термин «правонарушение» слишком узок и не точен» [9, 84]. Это видение излишне расширяет границы конституционной ответственности. Оно позволяет любую властную принудительную меру, имеющуюся в нормах конституционного права, считать ответственностью. В этом случае не приходится говорить о собственно юридической ответственности. В противном – в содержание юридической ответственности необходимо включить, например, и общественное порицание, и моральный бойкот, и просто отставку лица в связи с ненадлежащим осуществлением им своих полномочий или даже из политических соображений.

Поэтому при рассмотрении такого вида юридической ответственности, как конституционная ответственность органов публичной власти в системе разделения властей, мы будем говорить только о мерах юридической ответственности, единственным основанием применения которых должно быть со-

вершение органом публичной власти конституционного правонарушения или иного действия, посягающего на законные права и интересы личности и, тем самым, дискредитирующего власть. Следует сказать, что в данном случае в законодательстве должно быть четко закреплено основание и механизм привлечения лица к ответственности, обеспечивающей неотвратимость наступления юридической ответственности за совершенное конституционное правонарушение.

Анализ нормативно-правового материала, регламентирующего данную сферу отношений, позволяет достаточно уверенно выделить основных субъектов конституционной ответственности за правонарушения перед личностью. Это Президент страны, Федеральное собрание России, главы администрации субъектов РФ, их законодательные органы власти. Каждый из перечисленных субъектов имеет свои юридические особенности претерпевания мер ответственности, учитывая индивидуальный статус и специфику конституционно-правовых санкций.

Санкции в конституционном праве в большинстве своем лишены имущественного содержания. Их ядром являются меры властно-принудительного действия, связанные с реализацией воздействия на организационную структуру государственных органов, на ликвидацию неправомерного состояния, на предотвращение незаконного функционирования публичного органа.

Меры конституционно-правовой ответственности закреплены в Конституции РФ, федеральных законах и в Конституциях (уставах) и законах субъектов РФ, составляющих основу правового регулирования базовых общественных отношений, складывающихся в области осуществления государственной власти.

По Конституции РФ иммунитетом (неприкосновенностью) обладают: президент РФ (ст. 91), депутаты Государственной думы РФ, члены Совета федерации РФ – в течение всего срока их полномочий (ст. 98, ч. 1), федеральные судьи, в том числе и судьи Конституционного Суда РФ (ст. 122, ч. 1).

Меры конституционно-правовой ответственности реализуются в ответ на совершение правонарушений, посягающих на основные элементы системы государственной власти, затрагивающие наиболее значимые стороны осуществления государственных функций (доступ к участию в реализации государственной власти граждан, деятельность высших органов власти, регулирование деятельности институтов. В целом отметим, что основная роль в применении мер конституционной ответственности «по вертикали», в обеспечении прочности российского федерализма принадлежит Президенту РФ (который опирается на своих полномочных представителей в федеральных округах) [10, 104-110] и Конституционному суду РФ.

Вместе с тем, в определенном объеме (на определенных стадиях, в процедуре применения мер конституционной ответственности) «задействованы» иные виды судов и прокуратура РФ. Суды общей и арбитражной юрисдикций имеют большие возможности обеспечения «вертикали власти», во-первых, потому что все их звенья (за исключением мировых судей) относятся к категории федеральных судов и обязаны осуществлять проверки законности, т.е. проверки соответствия законов и иных нормативных актов субъектов РФ федеральным законам. Кроме того, постановлением Конституционного суда РФ от 11 апреля 2000 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений п. 2 ст. 1, п. 1 ст. 21 и п. 3 ст. 22 ФЗ «О прокуратуре РФ», за судами общей юрис-

дикции признается ограниченное право проверок конституционности и признания недействительными законов субъектов РФ, содержащих такие же положения, какие уже были признаны неконституционными Конституционным судом РФ, т.е. основывать свои решения на соответствующем решении Конституционного Суда РФ (п. 4 Постановления Конституционного суда). Прокуратура РФ также может быть определена как важный участник процедуры применения мер конституционной ответственности. Согласно ФЗ от 17 января 1992 г. «О прокуратуре РФ» (в редакции от 17 ноября 1995 г. и 10 февраля 1999 г.) она осуществляет надзор за соответствием законам РФ актов, издаваемых законодательными (представительными) органами субъектов РФ; а прокурор и его заместитель вправе опротестовать противоречащие закону правовые акты и обращаться в суд или арбитражный суд с требованием о признании таких актов недействующими (абз. 1, 3 п. 3 ст. 22 Закона «О прокуратуре»; п. 1 Постановления Конституционного суда РФ от 11 апреля 2000 г.).

Орган государственной власти несет ответственность не как юридическое лицо, а как субъект, представляющий государство. Поскольку он действует от имени государства, то оно, в свою очередь несет ответственность перед личностью. Поэтому ущерб в данном случае возмещается не конкретным органом, а государством в целом. Именно такой подход взят за основу при формулировании понятия «конституционная ответственность», исходя из норм ст. 53 Конституции РФ, которая гласит, что каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного действием или бездействием органов государственной власти или должностных лиц.

Можно выделить особенности, присущие конституционно-правовой ответственности государства перед личностью: выраженный политический характер; индивидуальный и коллективный характер данной ответственности; нарушение прав личности как основание конституционно-правовой ответственности; возможность ее наступления при отсутствии вины нарушителя; отсутствие регламентации в федеральном законе процессуального порядка применения некоторых мер конституционно-правовой ответственности.

Конституционно-правовая ответственность отражает участие в отношениях, складывающихся в сфере организации, осуществления, принадлежности государственной власти и в сфере взаимоотношений государства и личности, а также отражает стремление субъектов к власти, влиянию на определение общей воли государства, руководящей роли в нем [11, 78-79].

Таким образом, если говорить о политическом характере конституционно-правовой ответственности, то необходимо согласиться с мнением Б.А. Страшуна, который считает, что «наиболее ярко политическая подоплека конституционно-правовой ответственности проявляется при парламентарных и смешанных формах правления в характерном для этих форм институте парламентской ответственности правительства» [12, 72]. Ведь именно основания этой ответственности являются чисто политическими, в то время как санкции носят юридический характер и порождают юридические последствия. Собственно политический характер ответственности правительства в указанном случае проявляется именно в чисто политических основаниях данной ответственности. Приведем пример: отставка министра в случае его несогласия с политикой кабинета по социальным вопросам, фактом ущемления прав граждан. Такое основание для отставки невозможно закрепить в нормах права, то есть его можно признать чисто политическим. Вместе с тем эта «политическая от-

ставка” оформляется мерами юридической ответственности.

Если имеет место применение конституционно-правовой ответственности, то отстранение от должности президента или губернатора, в отличие от увольнения с должности, допустим, члена правительства его председателем (дисциплинарное взыскание), всегда производится органом или должностным лицом, не являющимся вышестоящим (а точнее, не формирующим и непосредственно руководящим) по отношению к подвергаемому взысканию, и основанием ответственности здесь выступает деяние, нарушающее конституционные нормы, а не факт нарушения трудовой дисциплины.

Еще одной особенностью конституционно-правовой ответственности является сочетание специальной судебной процедуры применения санкций с внесудебными формами, а также самостоятельное применение мер ответственности определенными уполномоченными государственными органами, должностными лицами и в редких случаях – нетипичными субъектами – населением [13, 13-16].

Так, например, законодательный орган субъекта Российской Федерации вправе досрочно прекратить полномочия руководителя высшего исполнительного органа власти субъекта в случае издания им актов, противоречащих Конституции РФ, федеральным законам, уставу и законам субъекта, при условии установления этих фактов в решении соответствующего суда и неустранении выявленных нарушений этим руководителем в течение одного месяца (п. 2 ст. 19 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»). Иными словами, участие в процедуре отстранения от должности высшего должностного лица субъекта принимают как судебные органы, так и орган законодательной власти, причем роль суда сводится лишь к констатации факта, а инициатива в возбуждении процедуры и окончательное решение по делу составляют прерогативу представительного органа.

На основании подпункта «г» пункта 1 ст. 19 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» Президентом Российской Федерации были отрешены от должности руководители органов исполнительной власти Амурской области, Корякского и Ненецкого автономных округов.

Будучи проявлением связи и взаимной ответственности личности и государства, юридическая ответственность – это один из существенных гарантов правопорядка, важная мера защиты интересов личности, общества и государства. Отличительными свойствами такого правового государства как специальной государственно-правовой конструкции и нового типа государства являются отмеченные выше компоненты: гуманитарно-правовой (официально закреплённые прирождённые и неотчуждаемые права и свободы человека); нормативно-правовой (верховенство правового закона), организационно-правовой (разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную). Подобная специальная государственно-правовая конструкция (то есть современное правовое государство) предполагает современный уровень в прогрессе свободы людей и соответствующую степень развитости граждан общества и права государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституционное право Российской Федерации. - Екатеринбург, 1995. - С. 15-17.
2. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. - М., 1999. - С. 5.
3. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. - Екатеринбург, 1995. - С. 8.
4. Стрекозов В.Г., Казанчев Ю.Д. Государственное (конституционное) право Российской Федерации. - М., 1995. - С. 6-7; Колюшин Е.И. Конституционное (государственное) право России. - М., 1999. - С. 6-7; Ковешников Е.М. Конституционное право Российской Федерации. - М., 1998. - С. 1.
5. Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. - М., 2002. - С. 279.
6. Проект Федерального закона «О федеративных органах исполнительной власти» внесен депутатами Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации А.И. Лукьяновым, О.О. Мироновым // Архив Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации. - 1996. - С. 335.
7. Еременко Ю.П., Рудинский Ф.М. Проблема ответственности в советском государственном праве. - М., 1985. - С. 30-34; Еременко Ю. П. Советская Конституция и законность. - Саратов, 1982. - С. 160.
8. Кондрашева А.А. Конституционно-правовая ответственность субъектов федерации: вопросы теории и законодательного регулирования в Российской Федерации. - Красноярск, 1999. - С. 37.
9. Боброва Н.А., Зражевская Т.Д. Ответственность в системе гарантий конституционных норм. - М., 1990. - С. 84.
10. См.: Сахле М.А. Взаимоотношения Президента России с субъектами РФ в сфере формирования органов государственной власти субъектов Федерации // Государство и право. - 2008. № 3. - С. 104-110.
11. Виноградов В.А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование. М., 2000. - С. 78 - 79.
12. Страшун Б.А. К понятию конституционной ответственности // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. - М., 2001. - С. 72.
13. Калашников С.В. Конституционные основы формирования гражданского общества в Российской Федерации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. - М., 2001. - С. 13-16.

I. Marov

THE RULE OF LAW AND CONSTITUTIONAL RESPONSIBILITY OF THE STATE TO THE INDIVIDUAL

Abstract. This article is dedicated to the problems of the study of constitutional responsibility in connection with the formation of modern rule-of-law state in the Russian Federation. The author examines different approaches to the constitutional responsibility of the state before the personality, lawful relations are evaluated.

Key words: rule-of-law state, civic community, the theory of state and right, personality, juridical responsibility.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА*

Аннотация. Одной из основных задач, возлагаемых государством на жилищно-коммунальное хозяйство, являющееся сферой, непосредственно связанной с благосостоянием населения, реализацией его конституционных прав и удовлетворением нормальных жизненных потребностей, является достижение равновесия между интересами государства и человека, снятие социальной напряженности и, в итоге, достижение конечной цели – повышение качества жизни людей.

Ключевые слова: местное самоуправление; жилищное, коммунальное обслуживание; хозяйство.

В последние годы трудности, связанные с функционированием ЖКХ, стали объектом всестороннего пристального внимания, однако серьезных положительных изменений в этой сфере по-прежнему не происходит. Напротив, наблюдается тенденциозное ухудшение как технического, так и финансового положения комплекса. ЖКХ по-прежнему характеризуется отсутствием эффективных экономических отношений и низким качеством предоставляемых услуг, которые ущемляют конституционные права граждан на достойную жизнь и защиту человеческого достоинства. Крайне высокая степень износа основных фондов, тяжелая финансовая ситуация на предприятиях ЖКХ, не прозрачные условия финансово-хозяйственной деятельности делают отрасль привлекательной в основном только для олигархических инвесторов.

Поскольку ЖКХ является сферой, непосредственно связанной с благосостоянием населения, реализацией его конституционных прав и удовлетворением нормальных жизненных потребностей, главной задачей государства сейчас является достижение равновесия между интересами государства и человека, снятие социальной напряженности, достижение конечной цели – повышение качества жизни людей [1].

Очевидно, что современное состояние ЖКХ, его реформа приводят в целом к неудовлетворительным результатам и требуют новых путей реформирования.

Попробуем разобраться, что же такое ЖКХ, какова его роль в реализации конституционных прав населения.

При наличии ряда общих родовых признаков с другими отраслями социально-экономического характера, жилищно-коммунальные услуги имеют видовое своеобразие, т.к. непосредственно связаны с воспроизводством жилищного фонда, который в значительной мере определяет реализацию конституционных прав граждан и ход экономических, социальных, демографических и политических процессов.

Удовлетворение потребностей населения в услугах ЖКХ является одним из самых распространенных способов реализации конституционных прав,

* © Нефедов А.А.

поскольку именно оно является одной из важнейших отраслей обслуживания, представляет собой наиболее крупную часть народного хозяйства.

В настоящее время в системе ЖКХ действует более 55 тыс. предприятий, в том числе 10 тыс. муниципальных и государственных, в отрасли занято около 4 млн. чел. Однако, несмотря на рост объемов услуг, работ и продукции, произведенных в отрасли, многие предприятия являются формально убыточными [2].

Согласно проведенным исследованиям, жилищно-коммунальное хозяйство имеет ряд особенностей, которые отличают его от других отраслей. Так, специфическими чертами отрасли является:

местный характер деятельности жилищно-коммунальных предприятий, потребителями продукции (услуг) которых являются, прежде всего, население, а также расположенные на нем предприятия промышленности, транспорта и др.;

процессы производства и потребления продукции (услуг) в жилищно-коммунальном хозяйстве неразрывно связаны с другими отраслями, эта продукция не может накапливаться для последующей реализации;

предприятия жилищно-коммунального хозяйства должны быть готовы отпустить столько продукции и реализовать столько услуг, сколько их требуется в каждый конкретный момент времени;

нецелесообразность предоставления коммунальной продукции сверх оптимального предела, определяемого численностью населения, размерами территории и особенностями ее планировки, своеобразием климатических условий, степенью развития градообразующей и градообслуживающих сфер;

независимость численности основного эксплуатационного персонала непосредственно от объема производимой коммунальной продукции, что связано с выполнением работ по обслуживанию машин и оборудования, а также количеством дежурного персонала;

отличная от других отраслей структура основных фондов, при которой удельный вес пассивной части в 2 раза выше, чем на промышленных предприятиях;

особенная структура затрат на производство коммунальных услуг, при которой основными затратами являются расходы на энергоносители;

многоотраслевой (более 30 отраслей) характер;

высокая доля муниципальной собственности на земельные участки, водные и лесные ресурсы, жилой и нежилой фонд;

конечным потребителем услуг являются домохозяйства, коммерческие и некоммерческие организации, органы власти [3].

О частых нарушениях конституционных прав граждан, связанных с процессами реформирования ЖКХ, свидетельствует рост правонарушений, выявленных Государственной жилищной инспекцией Российской Федерации. Современная стратегия реформы ЖКХ установлена в Федеральной целевой программе “Жилище” на 2002-2010 гг., подпрограммах “Реформирование и модернизация жилищно-коммунального комплекса в РФ” и “Модернизация объектов коммунальной инфраструктуры”. Намеченные задачи по реформе ЖКХ требуют скоординированных и последовательных действий всех уровней власти по обязательному выполнению мероприятий, предусмотренных каждым этапом подпрограммы.

Однако качество нормативно-правовой базы, значительная пробельность

законодательства, степень его полноты и соответствия особенностям регулируемого объекта в значительной степени обуславливают низкую эффективность управления ЖКХ, уровень реализации конституционных прав населения в указанной сфере. Практика показывает, что как на федеральном, так и на региональном уровнях отсутствуют последовательные и скоординированные меры по реализации новой модели экономических взаимоотношений. Обращает на себя внимание отсутствие ряда необходимых норм в новом законодательстве, в том числе регулирующих порядок организации управления в сфере ЖКХ, обеспечивающих нормативно-правовое сопровождение реформы, механизм ее реализации.

Реформа осуществляется с различными нарушениями в виде несоблюдения федеральных стандартов, превышения роста стоимости жилищно-коммунальных услуг, неустойчивого функционирования системы ЖКХ и т.д. В этой связи реформа ЖКХ нуждается в координации деятельности субъектов Российской Федерации по ее проведению и комплексном подходе к перестроению правовой базы, регулирующей отношения в сфере ЖКХ, а законодательное сопровождение реформ требует эффективной нормотворческой деятельности.

Анализ положений о структурных подразделениях администраций субъектов федерации, выполняющих функции ЖКХ, показал, что, так же, как и на федеральном уровне, практически у всех субъектов федерации в компетенционных актах отсутствуют цели, недостаточно полно и четко определены задачи и функции органов управления, наблюдается подмена этих терминов, имеют место значительные расхождения в формулировках как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов федерации.

Анализ текущего законодательства позволяет сделать вывод о том, что полномочия органов местного самоуправления, установленные федеральными и региональными законами, отраслевыми нормативными актами, уставами муниципальных образований, в реальной действительности значительно шире, чем это предусмотрено законодательством о местном самоуправлении. В то же время перечень вопросов местного значения не может быть расширен путем принятия нормативных актов, возлагающих на органы местного самоуправления дополнительные полномочия в какой-либо сфере, поскольку это противоречит тому же законодательству.

Очевидно, что общий объем полномочий исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления должен обеспечивать их нормальное функционирование и поэтому нуждается в расширении. В целях обеспечения реального объема полномочий органов местного самоуправления необходима законодательная инициатива в решении проблемы расширения перечня вопросов местного значения и полномочий по собственной инициативе субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления с соблюдением определенных условий.

Конституционные права граждан на получение качественных жилищно-коммунальных услуг, улучшения условий проживания нуждаются в защите.

Сравнительный анализ законов субъектов Российской Федерации «Об административных правонарушениях» показывает, что правовое регулирование отношений в сфере ЖКХ, устанавливаемых этими законами, осуществляется с разной степенью полноты. Законы значительно отличаются друг от друга по объему правонарушений, имеют разную структуру. В целом обзор регионального законодательства позволяет заметить явно недостаточное количество ста-

тей, посвященных сфере ЖКХ, что влечет рост числа правонарушений [4].

Действующее законодательство не обеспечивает системного решения проблем ЖКХ, реализации конституционных прав населения и не соответствует рыночным правилам поведения хозяйствующих субъектов и работников ЖКХ.

В этих условиях задача власти заключается в разработке комплекса мер, способствующих повышению инвестиционной привлекательности ЖКХ, в том числе:

1. создание правовой среды по инвестиционному проектированию в сфере ЖКХ, учитывающей территориальные особенности;
2. организация конкурсов инвестиционных проектов и отбор наиболее эффективных вариантов;
3. контроль за процессом реализации инвестиционных проектов;
4. содействие практической реализации эффективных инвестиционных проектов (налоговые льготы, поручительства, гарантии, финансовая помощь в виде дотаций, субсидий, бюджетных ссуд и др.);
5. создание информационной базы об экономическом потенциале муниципального образования, состоянии ЖКХ и его предприятий.

Анализ правового регулирования ЖКХ в субъектах РФ показывает, что реформа, проводимая муниципальными образованиями, заключается в создании отдельных элементов преобразований в ЖКХ, коренного же преобразования не происходит. Более того, проводя реформу ЖКХ, государство должно играть активную роль в социальной защите населения, реализации его конституционных прав, модернизации коммунальной инфраструктуры, капитальном ремонте и строительстве жилищного фонда, улучшении качества коммунальных услуг, снижении их себестоимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: Ягодина Л.П. Управление жилищно-коммунальным хозяйством: организационно-правовые аспекты: Автореф. канд. юрид. наук. – М., 2008.
2. Гришина Е.Ю. Административно-правовое регулирование в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Проблемы и пути их решения // Административное право. – 2009. N 1.
3. См.: Сугаипов М.Ю. Организационно-экономический механизм функционирования жилищно-коммунального хозяйства муниципального образования на принципах предпринимательства: Автореф. канд. юрид. наук. – Великий Новгород, 2008.
4. См.: Ягодина Л.П. Управление жилищно-коммунальным хозяйством: организационно-правовые аспекты: Автореф. канд. юрид. наук. – М., 2008.

A. Nefedov

CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION, CURRENT PROBLEMS IN HOUSING AND COMMUNAL SERVICES

Abstract. One of the main tasks assigned by the state for housing and communal services, an area directly related to the welfare of the population, realization of his constitutional rights and satisfy the normal necessities of life, is to achieve a balance between state interests and rights, the removal of social tensions, and eventually reach the final goal - improving the quality of life.

Key words: local government; housing, utility service; economy.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА*

Аннотация. Подозреваемый является участником уголовного судопроизводства со стороны защиты. Его процессуальное положение претерпело изменение в истории развития уголовного судопроизводства России XX- н. XXI. Автором показаны основные этапы развития процессуального положения подозреваемого в данный период.

Ключевые слова: уголовный процесс; подозреваемый; правовое положение подозреваемого.

Исследование института охраны конституционных прав лиц, подвергаемых уголовному преследованию, на предварительном следствии, а также отдельных его норм, обеспечивающих соблюдение прав личности в уголовном судопроизводстве, в историческом аспекте позволяет осмыслить современное содержание этих правоотношений, выделить основные направления и тенденции развития данного института, глубже проникнуть в его сущность, выявить наиболее важные его закономерности, наметить пути и средства совершенствования, прогнозировать дальнейшее изменение. В свете сказанного исследование процессуального статуса подозреваемого, проблемы обеспечения реализации его прав, применение к нему мер процессуального принуждения представляют значительный интерес.

Еще в первом УПК РСФСР 1922 г. [1] (новая редакция 1923 г.) нашли свое отражение принципы равенства прав человека, свободы суда в искании материальной истины, гарантии прав обвиняемого на защиту, неприкосновенность личности и др. Но существенным недостатком первого УПК РСФСР является отсутствие исчерпывающих понятий подозреваемого, обвиняемого и, как следствие этого – значительная неопределенность их процессуального положения и прав.

Это выразилось в том, что круг этих прав сравнительно узок (право пользоваться родным языком, право давать показания, право заявлять ходатайства, право собственноручно записать показания, право на защиту и др. (ст. ст. 134, 136, 207, 208, 246), размещены они в различных статьях УПК, отсутствуют отдельные их гарантии. В отношении защитников как участников уголовного судопроизводства следует отметить, что их допуск к участию в деле был возможен лишь начиная с судебной стадии – после предания суду. Соответственно, было невозможным получение профессиональной помощи в начальных стадиях производства по делу, в том числе и тогда, когда происходит ограничение права на свободу – заключение под стражу. В УПК РСФСР 1923 г. обнаруживается также и отсутствие норм о презумпции невиновности [2, 256-262]. Права подозреваемого в УПК РСФСР (1922 г.) вообще не были определены, хотя упоминания об этом участнике процесса встречаются в ст. ст. 99, 100, 104, 105, 145 и др.

В «Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик»

* © Скрипин Р.Е.

от 31 октября 1924 г. появились новые положения, посвященные обеспечению прав личности. Вместе с тем в Основах содержались положения, существенно ущемлявшие права личности. Так, ст. 5 обязывала судебные органы применять нормы уголовного закона по аналогии в отношении деяний, прямо не предусмотренных уголовным законом, но являвшихся общественно опасными с точки зрения охраны общественного порядка. Естественно, что аналогия уголовного права, привлечение лица к уголовной ответственности и признание его виновным в тех случаях, когда надлежащий состав преступления не предусмотрен в уголовном законодательстве, является альтернативой презумпции невиновности, своеобразной презумпцией виновности [3, 283].

Политика, проводимая государством в области обеспечения прав личности на предварительном следствии, была непоследовательной и противоречивой. Фактически перед законодателем и наукой уголовного процесса встал вопрос – идти ли по пути ослабления процессуальных гарантий и признания приоритета целесообразности борьбы с врагами революции, или в сторону усиления процессуальных гарантий и строжайшего проведения законности как начала, преобладающего над целесообразностью. Можно согласиться с мнением исследователей, что в развитии уголовного процесса в данный период прослеживаются две диаметрально противоположные тенденции: с одной стороны, имела место тенденция демократизации уголовного процесса, а с другой стороны – принимались нормативные акты, которые являлись правовым обеспечением массовых репрессий.

Вопрос о допущении в уголовный процесс фигуры подозреваемого тоже относился к числу дискуссионных. Были высказаны противоположные точки зрения о необходимости установления единообразной практики допроса обвиняемых до предъявления обвинения и о полном исключении из следственной практики допроса подозреваемых [4, 17].

Дискуссия по этой проблеме развернулась на страницах журнала “Советская юстиция”. Спорный вопрос был разрешен циркуляром Прокуратуры СССР 5 июня 1937 г., в котором указывалось, что из следственной практики устраняется фигурирование на следствии того или иного лица в положении подозреваемого. Это указание Прокуратуры СССР находилось в явном противоречии с УПК РСФСР, где подозреваемый упоминается в ст. ст. 100, 102, 104, 145.

К середине 50-х годов возникла острая необходимость проведения новой кодификации уголовно-процессуального законодательства. Принятие 25 декабря 1958 г. Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик ознаменовало собой новый этап в демократизации уголовного процесса. Еще до принятия Основ, в 1956 г. были отменены законы, принятые в 30-х годах и устанавливавшие упрощенный порядок производства по государственным преступлениям.

Были значительно расширены права обвиняемого, прежде всего, право на защиту. Новым для законодательства стал перечень прав подозреваемого: право обжалования задержания, требование составления протокола о задержании с указанием оснований и мотивов задержания. Были установлены и гарантии этих прав в виде сообщения в 24-часовой срок прокурору о задержании и возложении на прокурора обязанности в 48-часовой срок или санкционировать заключение под стражу, или освободить лицо (ст. 32).

Положения Основ нашли свое отражение и были конкретизированы в

принятом в 1960 г. УПК РСФСР [5]. Согласно статье 52 УПК РСФСР 1960 г. подозреваемым считается лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, либо лицо, к которому в исключительных случаях применена мера пресечения до предъявления обвинения. Исчерпывающий перечень оснований для задержания приведен в ст. 122 УПК РСФСР: 1) когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; 2) когда очевидцы, в том числе и потерпевшие, прямо укажут на данное лицо, как на совершившее преступление; 3) когда на подозреваемом или на его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления. При наличии иных данных, дающих основания подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано лишь в случае, если это лицо покушалось на побег или когда оно не имеет постоянного места жительства, или когда не установлена личность подозреваемого [6].

Подозреваемый в данном УПК РСФСР 1960 г. – кратковременная фигура стадии предварительного расследования. Задержание не может продолжаться более 72 часов, а избрание меры пресечения до предъявления обвинения – 10 суток. Подозреваемый имел узкий список прав в формате начальной ступени уголовного процесса: он был вправе давать объяснения, заявлять ходатайства, приносить жалобы на действия и решения лица, производящего дознание, следователя, прокурора [7, 59].

Большое значение имело закрепление в 1977 г. на конституционном уровне такого принципа, как презумпция невиновности. Этот принцип признавался далеко не всеми представителями науки советского уголовного процесса. Статья 160 Конституции СССР 1977 г., устанавливающая, что никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе, как по приговору суда и в соответствии с законом, разрешила этот спорный вопрос на официальном уровне.

В конце 80-х годов советское общество всколыхнулось под воздействием демократических процессов, затронувших и уголовное судопроизводство. В свете новых идеологических воззрений, согласно которым высшей ценностью признается личность, ее права, свободы и законные интересы, стала меняться и теоретическая основа, на которой зиждилось уголовное судопроизводство. Большинство современных процессуалистов стали говорить об изменении целей правосудия, приоритете задач охраны прав, свобод и интересов личности и общества над задачами быстрого и полного раскрытия преступлений и достижения истины по делу [8, 30; 9, 12].

Развитие российского законодательства в последние десятилетия идет по пути соответствия международно-правовым стандартам. Конституция РФ стала важным этапом в этом направлении, провозгласив общепризнанные принципы и нормы международного права составной частью правовой системы РФ (ч. 4 ст. 15). Итогом законотворческой деятельности в области уголовно-процессуального законодательства было принятие 18 декабря 2001 г. нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [10, 592], который вступил в действие 1 июля 2002 года. УПК РФ вобрал в себя значительное число прогрессивных, демократических положений, направленных на обеспечение прав личности в уголовном судопроизводстве, совершенствование процедур предварительного расследования, упрощение досудебной стадии производства.

Принятие УПК РФ – логический результат социально-политических и экономических перемен в нашем государстве, реализация положений Кон-

ституции РФ, Концепции судебной реформы 1991 г., норм международного права. Некоторые конституционные права и свободы, воспроизведенные и закрепленные в УПК РФ, законодатель провозгласил принципами уголовного процесса, определяющими его характер (неприкосновенность личности, жилища, тайны переписки и др.). В свою очередь, эти принципы становятся базой для регламентации оснований, порядка применения мер уголовно-процессуального принуждения.

Закрепляя конституционные права подозреваемого в УПК РФ, законодатель их дополняет, детализирует либо ограничивает в установленном законом порядке. В первом случае конституционные нормы конкретизируются применительно к специфике уголовного судопроизводства. Так, например, предусмотренное ст. 48 Конституцией РФ право на защиту детализировано в ст. ст. 46-53 УПК РФ, где четко оговорены вопросы участия защитника на предварительном следствии, его приглашение, назначение и замена, права и обязанности защитника, а также собственные права подозреваемого, являющиеся составляющими права на защиту (право знать, в чем он подозревается, давать объяснения по предъявленному обвинению и др.).

В некоторых случаях конституционные права подозреваемого ограничиваются нормами уголовно-процессуального законодательства. Так, например, право на свободу и личную неприкосновенность предполагает возможность их ограничения применительно к подозреваемому. Меры пресечения в отношении этих лиц, затрагивающие их свободу и неприкосновенность, предполагают судебный порядок их применения.

Законодатель при принятии УПК РФ стремился последовательно закрепить все демократические завоевания Конституции РФ, детализировать их, придать им реально действующий характер (права, предоставленные участникам уголовного судопроизводства Конституцией РФ и присутствующие в УПК, были названы в юридической литературе конституционно-процессуальными правами) [11, 40].

Так, общая часть УПК РФ была дополнена рядом положений, зафиксированных в главе 2 Конституции РФ, которые являются принципами уголовного процесса (принципы презумпции невиновности, охраны прав и свобод граждан при производстве по уголовным делам, уважения чести и достоинства личности, судебной защиты прав и свобод граждан).

Одним из ключевых прав подозреваемого является его право на защиту. В Конституции РФ оно закреплено как право на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе бесплатно, право пользоваться помощью адвоката с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения (ст. 48). Подозреваемый вправе иметь защитника с момента, установленного ч. 3 ст. 46 УПК РФ, ч. 3 ст. 49 УПК РФ. Уголовно-процессуальный кодекс РФ преодолел недостатки ранее действующего законодательства, указав, что подозреваемый имеет право на свидание наедине и конфиденциально до первого допроса с защитником.

Подозреваемый вправе в любой момент производства по уголовному делу отказаться от помощи защитника (ст. 52 УПК РФ). Однако отказ подозреваемого от защитника может быть только добровольным. При таком отказе следователь должен выяснить, не является ли он вынужденным (например, ввиду отсутствия средств на оплату труда адвоката или неявки его к следователю). При вынужденном отказе обвиняемого от адвоката органы предварительного

расследования обязаны обеспечить участие защитника в деле [12, 32; 13, 21].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (1922 г.) // Собрание узаконений РСФСР. - 1922. № 20-21.
2. См.: Зашляпин Л.А. Основные компоненты теории адвокатского мастерства в уголовном судопроизводстве - Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2007.
3. См.: Зашляпин Л.А. Указ. соч.
4. См.: Байрон Г. Допрос подозреваемого // Сов. юстиция. – 1936. № 6.
5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. - М.: Инфра М. - Норма, 1998.
6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г.
7. См.: Советский уголовный процесс / Под ред. И.В. Тыричева. - М.: ВЮЗИ, 1985.
8. См., например: Петрухин И.Л. Правосудие: время реформ. - М., 1991.
9. Шадрин В.С. О необходимости принципиальных изменений в обеспечении прав и законных интересов личности на предварительном следствии // Участники предварительного расследования и обеспечение их прав и законных интересов. - Волгоград, 1993.
10. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. - М.: ТК Велби, 2004.
11. См.: Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. - М., 1985.
12. См.: Терегулова А.А. Правовое положение подозреваемого в уголовном процессе России: Дисс. ...канд. юрид. наук.- Челябинск, 2008.
13. Парфенова М.В. Обеспечение права подозреваемого (обвиняемого) на защиту на досудебных стадиях уголовного процесса // Уголовное судопроизводство. – 2008. №3.

R. Skripin

THE LEGAL STATUS OF THE SUSPECT IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE IN THE XX-XXI CENTURIES

Abstract. The suspect is one of the criminal procedure parts on behalf of defense. In the course of criminal procedure in Russia in the XX-XXI centuries his procedural status has been changed. The author analyses the basic stages of the suspect procedural status in the period mentioned above.

Key words: criminal procedure; the suspect; the legal status of the suspect.

ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕСТУПНОСТИ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ БЕСПРИЗОРНЫМИ И БЕЗНАДЗОРНЫМИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ*

Аннотация. В данной статье основной акцент делается на профилактику преступности и преступлений несовершеннолетних, где главная цель – ориентация на устранение, нейтрализацию тех недостатков в общей системе социального воспитания, условиях жизни несовершеннолетних.

Ключевые слова: беспризорные, безнадзорные, несовершеннолетние, профилактика, преступность, преступления, социальная адаптация.

Преступный мир использует детей улиц в своих целях: развращает их, превращает в малолетних преступников, убивает. Есть дети с вирусом гепатита, ВИЧ-инфицированные, наркоманы. По данным МВД России, в течение последних пяти лет ежегодно разыскивается от 50 до 55 тысяч несовершеннолетних детей. В розыске в 2007 году находились 53,2 тысяч детей. При этом всего, по подсчетам МВД России, армия беспризорников составляет 1 миллион, Генеральной прокуратурой называется цифра в 3-4 миллиона детей, а по данным независимых экспертов, их уже 5 миллионов.

Возвращаясь к родителям, которые в ответе за судьбы своих детей, отмечу, что ежегодно растет и цифра привлечения к уголовной ответственности родителей за невыполнение ими своих обязанностей по воспитанию, содержанию и обучению детей, а также в связи с жестоким обращением с ними. В 2003 г. российскими судами было рассмотрено 3,4 тыс. дел по данной статье, в 2006 г. – 5,9 тыс., а в 2007 г. - более 6 тысяч.

В этой связи следовало бы повысить уголовную ответственность и за жестокое обращение родителей с детьми. Согласитесь, парадоксально – за жестокое обращение с животными УК предусматривает максимальное наказание выше: в виде 2-х лет лишения свободы (ст. 245), а за жестокое обращение с детьми – лишь 3-летнее ограничение свободы, что не одно и то же с лишением свободы. Да и это наказание применяется крайне редко, в основном применяется штраф, что наносит материальный ущерб семье и, в конечном итоге, самим детям.

Таким образом, нам требуется комплексный подход к решению проблем увеличения числа беспризорных детей и роста преступлений в отношении несовершеннолетних.

Система профилактики преступности и преступлений несовершеннолетних в течение последних лет функционировала достаточно успешно, несмотря на трудности переходного периода. Однако существуют объективные причины снижения профилактического воздействия и борьбы с подростковой преступностью. Это связано с:

- преждевременным свертыванием ряда профилактических программ без создания новых;
- возрастающим несоответствием ее потребностей правовому и ресурсно-

* © Юдин В.А.

му обеспечению;

- трудностями использования требуемых алгоритмов деятельности в условиях социальной нестабильности.

Система профилактики преступности и преступлений несовершеннолетних в современных условиях должна учитывать имеющийся положительный опыт и вместе с тем новые требования общества. Профилактика преступности должна включать обязательные компоненты:

- сочетание государственных и общественных начал, сил и ресурсов в этой деятельности;

- сочетание четырех задач (воздействие на личность, среду, деятельность субъектов воспитания и профилактики, общественное мнение);

- специализацию информационного фонда, методики, организационных форм и управления, кадров и ресурсов;

- распределение полномочий между федерацией и ее субъектами, широкими правами органов местного самоуправления;

- распределение функций между отдельными участниками профилактической деятельности с тем, чтобы исключить дублирование, попытки делать «все за всех»;

- определением сферы применения мер воспитания, обеспечение нормальных жизненных условий, социальной помощи и собственно профилактики, включая правовые ее формы;

- переход, в случае необходимости, от преимущественно общевоспитательных мер воздействия к правовым, обеспечение достаточности и своевременности этих мер. В основе системы профилактики должны быть законность, справедливость, демократизм (в том числе контроль общественности за профилактической деятельностью правоохранительных органов, а не только помощь в ней), взаимодействие на уровне страны, субъекта федерации, местного самоуправления и между этими уровнями, специализированная законодательная база.

Такая характеристика системы профилактики преступности и преступлений несовершеннолетних в некоторой степени расходится с ее реальной картиной, но фиксирует оптимальную модель, на реализацию которой должны направляться усилия науки и практики. Именно в этом заключается функция криминологии по научному обеспечению борьбы с преступностью. И именно неостребованность многих научных рекомендаций, а не их отсутствие в значительной степени объясняет трудности борьбы с преступностью несовершеннолетних.

Общесоциальный уровень профилактики преступности и преступлений несовершеннолетних можно определить как комплекс крупномасштабных мероприятий, улучшающих возможности семейного, школьного, трудового воспитания несовершеннолетних, их досуга (в том числе в рамках определенного контингента, территории и т. д.). Цель таких мероприятий — ориентация на устранение, нейтрализацию тех недостатков в общей системе социального воспитания, условиях жизни несовершеннолетних, которые наиболее часто продуцируют преступления и способствуют им в среде подрастающего поколения. Кроме того, они являются в определенном смысле базой для специальной профилактики, расширяя ее возможности. Например, мероприятия по социальной помощи семьям с низкой педагогической культурой и недостаточным материальным уровнем; мероприятия социальной защиты и помощи детям и

подросткам из так называемых групп риска.

Участники (субъекты) профилактики преступности и преступлений несовершеннолетних:

- органы государственной власти и муниципальные органы, обеспечивающие программирование, планирование, правовое регулирование и ресурсы этой деятельности, контроль за ее ходом и результатами;

- институты социального воспитания — семья, школа, трудовой коллектив, учреждения культуры и досуга, осуществляющие во взаимодействии и в пределах компетенции профилактику искаженной позиции личности детей и подростков, коррекцию возникших криминогенных искажений, если они устранимы педагогическими и иными воспитательными средствами;

- органы социальной, психолого-педагогической, медицинской и правовой защиты, оказывающие помощь детям и подросткам, находящимся в неблагоприятных жизненных условиях, в том числе в зоне интенсивных негативных влияний, либо попавшим в экстремальные неблагоприятные обстоятельства;

- правоохранительные органы в целом и их специализированные подразделения и службы.

Обеспечение эффективного участия семьи в профилактике правонарушений связано с целенаправленной помощью семьям, воспитывающим детей в условиях ниже прожиточного минимума, при отсутствии одного из родителей, болезни или продолжительного отсутствия родителей по характеру работы; защитой семей от материальных и моральных последствий безработицы родителей или вынужденной смены места работы. В условиях, когда многие семьи растерялись, потеряли четкие представления о месте и задачах семьи в воспитании детей, необходимо помочь взрослым получить знания о правах и обязанностях в этой сфере, о способах их реализации. Семья должна получать помощь от государственных органов, органов местного самоуправления и общественности в случаях, когда надо защитить права детей или пресечь негативное на них влияние. Семья должна осознавать себя полноправным субъектом взаимодействия с государственными и общественными институтами социального воспитания, субъектом контроля за их деятельностью.

На общесоциальном и специальном уровнях в систему участников профилактики входят учреждения, организующие досуг несовершеннолетних с выделением специальных задач в отношении детей и подростков из неблагополучных семей, других групп риска. В настоящее время наиболее актуальны мероприятия, которые должны приостановить сокращение сети клубных (культурно-воспитательных, спортивных) учреждений для несовершеннолетних и молодежи.

С учетом того, что места формирования группировок и банд несовершеннолетних по месту жительства — это микрорайоны с особо низким уровнем культуры и возможностей досуга молодежи, перечисленные выше мероприятия еще более актуализируются в качестве социальной основы профилактики.

Интенсивное развитие в системе участников профилактики преступности несовершеннолетних в современных условиях получает служба социальной защиты и помощи семье и несовершеннолетним. Эта служба, будучи составной частью (подсистемой) системы социального обслуживания страны, республик, областей, городов, районов и т. д., имеет и автономные задачи, структуру, информационно-методическое, ресурсное, правовое обеспечение.

Согласно закону «Об основах социального обслуживания» одним из приоритетных направлений деятельности социальной службы является помощь, поддержка, защита несовершеннолетних в трудной жизненной ситуации, связанной с сиротством, безнадзорностью, малообеспеченностью, конфликтами и жестоким обращением в семье, отсутствием постоянного места жительства. В этой связи в перечне учреждений социального обслуживания предусматриваются территориальные центры социальной помощи семье и детям, социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей, социальные приюты, детские дома-интернаты для детей с физическими и умственными недостатками и т. д. Сеть этих учреждений в последние годы заметно расширяется в соответствии с законодательством субъектов федерации и нормативными актами органов местного самоуправления на основе единых государственных стандартов, утверждаемых Правительством РФ.

Предстоит дальнейшее развитие законодательной базы социальной защиты семьи и несовершеннолетних в соответствии с Конституцией РФ; вводится специальность «социальный работник» с подготовкой в зависимости от профиля на базе педагогических, психологических, медицинских, правовых учебных заведений.

В последние годы актуализировались проблемы, связанные с участием в профилактике добровольных фондов, религиозных организаций, общественных объединений и движений. Зарубежный опыт свидетельствует о том, что социальная защита семьи и несовершеннолетних, поддержка и помощь детям из групп риска в значительной степени может происходить на базе этих организаций и объединений.

Требуют правового регулирования теоретические и практические проблемы сохранения в новых условиях таких положительно зарекомендовавших себя субъектов профилактики, как общественные воспитатели, специализированные формирования общественности по месту жительства и т. д., либо создания новых субъектов, которые приняли бы на себя аналогичные функции.

Надо отметить значительное расширение правовой базы и основанных на ней возможностей профилактики преступлений несовершеннолетних в связи с принятием Уголовного кодекса РФ в 1996 г. Глава 20 Кодекса «Преступления против семьи и несовершеннолетних» в соответствии с международно-правовыми обязательствами России усилила уголовно-правовую защиту интересов правильного воспитания подрастающего поколения. Повышена ответственность за вовлечение в преступления и иные антиобщественные действия лиц, на которых возложены воспитательные обязанности. Вовлечение несовершеннолетних в преступную группу закон рассматривает как деяние, совершенное при квалифицирующих обстоятельствах. Строгие наказания предусмотрены за торговлю несовершеннолетними, особенно для использования в преступных или иных противоправных целях. Впервые установлена уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, соединенное с жестоким обращением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. РИА «Новости» от 25 марта 2008 г.
2. Российская юстиция. № 1, январь 2006 г.
3. Уголовное право. Учебник/Под ред. Ветрова Н.И., Ляпунова Ю.И. – М., 2001.

4. Варчук Т.В. Криминология: Учебное пособие. – М., 2002.

5. Федеральный закон «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» от 10 декабря 1995 г. № 195-ФЗ.

V. Yudin

PREVENTIVE ASPECT OF CRIMINALITY AND THE CRIMES MADE BY HOMELESS AND NEGLECTED MINORS

Abstract. In given article the basic accent becomes on preventive maintenance of criminality and crimes of minors, where the main purpose-orientation on elimination, neutralisation of those lacks of the general system of social education, living conditions of minors.

Key words: homeless, neglected, minor, preventive maintenance, criminality, crimes, social adaptation.

Наши авторы

Беспалов Дмитрий Николаевич, соискатель кафедры теоретической и прикладной политологии РГГУ; e-mail: stall-2007@mail.ru

Боуш Ксения Сергеевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Тюменского юридического института; тел. natarova_olga@mail.ru

Натарова Ольга Александровна, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Тюменского юридического института; e-mail: Natarova_olga@mail.ru

Гаджиев Турал Бахруз оглы, аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; e-mail: mitras@bk.ru

Гапеенок Дарья Евгеньевна, ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Московского государственного областного университета; e-mail: dawkin.95@mail.ru

Гумовский Александр Валерьевич, аспирант кафедры предпринимательского права Института гуманитарного образования и информационных технологий; e-mail: a.g.001@yandex

Кириченко Дмитрий Владимирович, аспирант Московской государственной юридической академии им О.Е. Кутафина. Кафедра международного частного права; e-mail: dossil@mail.ru.

Клецкая Марина Олеговна, соискатель кафедры гражданского права Института государственного администрирования, помощник судьи Московского областного арбитражного суда; e-mail: klec@yandex.ru

Кузьмин Станислав Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного областного университета; тел. ciwieist@rambler.ru

Якушина Евгения Сергеевна, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала МосУ МВД России

Маров Игорь Викторович, аспирант Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан); e-mail: ugdejek@gmail.com

Мифтахова Сабина Ахмедовна, соискатель Института Востоковедения РАН; e-mail: mindliny@mail.ru

Нефедов Андрей Александрович, адъюнкт Московского университета МВД России; e-mail: gagarin_85@bk.ru

Подшибякин Алексей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного областного университета; e-mail: ran-74@mail.ru

Скрипин Роман Евгеньевич, аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Брянского государственного университета им. Академика А.Г. Петровского; e-mail: rosavto@ipcity.ru

Тришева Антонина Александровна, судья Верховного Суда Российской Федерации; e-mail: yuliaviled@mail.ru

Щербаков Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Российского университета кооперации; e-mail: sherbakov@rus.su

Юдин Владислав Алексеевич, юрист в ЗАО «Независимый общественный регистратор», аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного областного университета; e-mail: Vlad8855@rambler.ru

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О «ВЕСТНИКЕ МГОУ»

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 году.

Многосерийное издание университета «Вестник МГОУ» включено в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук в соответствии с решением Президиума ВАК России 06.07.2007г. (см. Список на сайте ВАК, редакция 2010 г.).

В настоящее время публикуется 10 серий «Вестника МГОУ», все – в рекомендательном списке ВАК (см.: прикрепленный файл на сайте www.mgou.ru).

Для публикации статей в сериях «Вестник МГОУ» необходимо по электронному адресу vest_mgou@mail.ru прислать текст статьи (в формате Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, поля 2,5 см со всех сторон, интервал полуторный) вместе со следующей информацией:

- а) авторская анкета (отдельный файл):
 - фамилия, имя, отчество (полностью);
 - ученые степень и звание, должность и место работы/учебы или соискательства (полное название в именительном падеже, а не аббревиатура);
 - адрес (с указанием почтового индекса);
 - номера контактных телефонов;
 - адрес электронной почты, личный или служебный (обязателен с 25.06.09);
 - желаемый месяц публикации.
- б) фамилия, имя на английском языке;
- в) название статьи на русском и английском языках;
- б) аннотация на русском и английском языках (примерно по 500 знаков с пробелами). На английском – под заголовком **Abstract** с указанием места работы на английском языке;
- в) ключевые слова на русском и английском языках (примерно 5-7 слов) под заголовком **Key words**;
- г) список использованной литературы под заголовком Список Литературы, оформленный по ГОСТу с указанием авторов всех использованных работ, в т.ч. художественных произведений; при ссылке на их работы и цитировании указываются фамилия авторов (или составителей), год издания, страницы.

Образец оформления статьи

УДК 361.1:8

Иванов И.И.

ВОСТОК И ВОСТОЧНЫЕ РЕАЛИИ В ТВОРЧЕСТВЕ С. МОЭМА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В
РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Аннотация.....

Ключевые слова:.....

Текст статьи

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

.....

I. Ivanov (место работы)

THE EAST AND EASTERN REALITIES IN W.S.MAUGHAM'S WORKS AND THEIR REFLECTION
IN RUSSIAN TRANSLATIONS

Abstract.....

Key words:.....

Внутритекстовые примечания (библиографические ссылки) приводятся в квадратных скобках. Например: [Александров А.Ф. 1993, 15] или [1, 15]. В первом случае в скобках приводятся фамилии и инициалы авторов использованных работ и год издания, во втором случае делается ссылка на порядковый номер использованной работы в пристатейном списке литературы. После запятой приводится номер страницы (страниц). Если ссылка включает несколько использованных работ, то внутри квадратных скобок они разделяются точкой с запятой. Затекустовые развернутые примечания и ссылки на архивы, коллекции, частные собрания помещают после основного текста статьи и перед списком литературы.

Обращаем особое внимание на точность библиографического оформления статей. Обращаем также внимание на выверенность статей в компьютерных наборах и полное соответствие файла в электронном и бумажном варианте!

Форматирование текста:

- **запрещены** переносы в словах;
- **допускается** выделение слов полужирным, шрифтом подчеркивания и использования маркированных и нумерованных (первого уровня) списков;
- наличие рисунков, формул и таблиц допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно. В этом случае каждый объект не должен превышать указанные размеры страницы, а шрифт в нем – не менее 12 пунктов. Возможно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области, все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. Все формулы должны быть созданы с использованием компонента Microsoft Equation или в виде четких картинок.

Требования к отзывам и рецензиям

К предлагаемым для публикации в «Вестнике МГОУ» статьям прилагается отзыв научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Отзыв заверяется в организации, в которой работает рецензент. Кроме того, издательство проводит еще и независимое рецензирование.

В рецензии (отзыве) обязательно раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика и фундированность наблюдений, оценок, выводов; отмечается научная и практическая значимость статьи. Замечания и предложения рецензента при общей положительной оценке статьи и рекомендации к печати не являются препятствием для ее публикации после доработки.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии серии не публикуются. Авторы получают рецензии с мотивированным отказом в публикации. Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр. Просим авторов тщательно сверять приводимые данные.

Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов – по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором. Оплата статей сторонних авторов (не аспирантов) после принятия статьи ответственным редактором предметной серии должна покрыть расходы на ее публикацию.

После принятия статьи к публикации все авторы оформляют подписку на журнал в любом почтовом отделении через каталог агентства «Роспечать».

Подписные индексы на серии «Вестника МГОУ»
в каталоге «Газеты и журналы», 2010, Агентство «Роспечать».

Серии: «История и политические науки» - 36765; «Экономика» - 36752; «Юриспруденция» - 36756; «Философские науки» - 36759; «Естественные науки» - 36763; «Русская филология» - 36761; «Лингвистика» - 36757; «Физика-математика» - 36766; «Психологические науки» - 36764; «Педагогика» - 36758.

В «Вестнике МГОУ» публикуются статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений России и зарубежных стран. Журнал готов предоставить место на своих страницах и для Ваших материалов!!!

Ответственный редактор серии «Юриспруденция» – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук МГОУ Голышев Вадим Григорьевич.

Адрес редколлегии серии «Юриспруденция» «Вестника МГОУ»: 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10-а, МГОУ, кафедра гражданско-правовых дисциплин.

По финансовым и организационным вопросам публикации статей обращаться в Объединенную редакцию “Вестника МГОУ”: center-press2004@mail.ru, тел. (499) 261-43-41, (495) 723-56-31 (Беляева Людмила Валентиновна).

Наш адрес: г. Москва, ул. Радио, д.10 а, комн.98

График работы: с 10 до 17 часов, в пятницу - до 16 часов, перерыв с 13 до 14 часов.

Начальник отдела по изданию «Вестника МГОУ» профессор Волобуев Олег Владимирович.

Более подробную информацию можно получить на сайте www.mgou.ru

ВЕСТНИК
Московского государственного
областного университета

Серия
«Юриспруденция»

№ 2

Подписано в печать: 05.05.2010.
Формат бумаги 60x86 /₈. Бумага офсетная. Гарнитура «SchoolBook C».
Уч.-изд. л. 6,25. Усл.п.л. 6. Тираж 280 экз. Заказ №. 75
Издательство МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а
тел/факс (495) 723-56-31

Bulletin
Of Moscow State Regional University

SERIES
«JURISPRUDENCE»

№ 2

Moscow
MSRU Press
2010

Bulletin of Moscow State Regional University

The journal was founded in 1998

Editorial council:

Pasechnik V.V., Chairman, Rector, Doctor of Pedagogics, Professor
Dembitsky S.G., Deputy Chairman, Doctor of Economics, Professor
Konichev A.S., Doctor of Chemistry, Professor
Lekant P.A., Doctor of Philology, Professor
Makeev S.V., Doctor of Philosophy, Professor
Pus'ko V.S., Doctor of Philosophy, Professor
Traytak S.D., Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor

Editorial Board. Series «Jurisprudence»:

Golyshev V.G., Candidate of Jurisprudence, Associate Professor (editor-in-chief)
Bayer B., Honorary professor of MSRU (Germany, Sankt Augustin)
Klychnikov V.M., Candidate of Jurisprudence, Associate Professor (deputy editor)
Marchenko M.N., Doctor of Jurisprudence, Professor
Grinenko A.V., Doctor of Jurisprudence, Professor
Podshibyakin A.S., Doctor of Jurisprudence, Professor
Nikitin A.N., Doctor of History, Doctor of Jurisprudence, Professor

Bulletin of Moscow State Regional University. Series «JURISPRUDENCE». –
№ 2.2010. – M.: MSRU Press. – 94 p.

The bulletin of Moscow State Regional University (all its series) is the reviewed and subscribed edition designed for the publication of lecturer staff's scientific articles, and also candidates for a doctor's degree, post-graduate students and applicants for a scientific degree. On MSRU web-site the information on the status of all series «Bulletin of Moscow State Regional University» and requirements to the publications for authors is periodically updated with making necessary changes.

© MSRU, 2010
© MSRU Press, 2010